

Метро 2035: Злой пес

Автор:

Дмитрий Манасыпов

Метро 2035: Злой пес

Дмитрий Юрьевич Манасыпов

МетроВселенная «Метро 2033»

Двадцать лет черного ядерного сна города у Реки закончились. Рубеж пал, надежда и жизнь вернулись... почти.

Если враг пропадает, люди всегда найдут другого. И война, вроде бы ушедшая, вновь закипит алыми кровавыми всполохами вернувшихся ночных кошмаров. Люди не меняются, люди всегда желают иметь больше. Метро, рейдеры поверхности, возродившаяся область... выживет ли здесь мутант-наемник?

Его зовут Хаунд, а за спиной называют просто Псом.

Книга содержит нецензурную брань.

Дмитрий Манасыпов

Метро 2035. Злой пес

© Глуховский Д. А., 2018

© Манасыпов Д. Ю., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Пролог. Мертвые крылья

Господь создал людей равными.

Полковник Кольт дал некоторым преимущество.

Старший сержант Калашников опять уравнил шансы.

Неизвестный дежурный ракетной шахты уничтожил все одним нажатием кнопки.

Грязный снег почти сошел. Расползлся черно-серыми комками, оставшимися от апрельских сугробов. Жирная жижа под ногами чавкала и старалась оторвать подошвы. Кто-то шел тут недавно и попался – из непролазного месива скалилась гвоздями желтая подметка. Лил дождь.

Мертвый город целился пустыми проемами окон, наваливался свинцовым безразличием. Ветер между высоток пел непонятное, заставлял останавливаться все чаще и чаще, спотыкаться и падать на колени прямо в вязкое месиво.

Проводник не прогадал с выходом, рассчитав время и день. Вернее, ночь. Весенняя буря обрушилась неожиданно для всех, кроме него. Люди выбирались наружу и топали в кромешной тьме, связанные в длинную цепочку. Шептались про нечистую кровь, про биологическое заражение на Ташкентской, где жил проводник, про...

Люди всегда шепчутся о ком-то или о чем-то, непонятном и пугающем. Долговязый проводник, в длинном кожаном плаще, лишь поводил глубоким капюшоном, надежно прятавшим лицо. Хобота противогаза или намордника респиратора у него никто не видел. Зато тот знал свое дело, как собственные... шесть пальцев правой руки.

Ни одна тварь не попалась ночью, когда он безжалостно гнал беглецов, порой даже зуботычинами. Никто не показался на мертвых улицах в едва занявшемся рассвете, превратившем черное в серое. Блестевший от воды плащ мелькал по сторонам, пропадал, снова появлялся и вел за собой – вперед и вперед. Быстрее, еще быстрее...

Люди шли. Двадцать человек, шесть семей с пятью детьми. Беглецы, что решили выбраться не только из подземного ада. Из преисподней, пожиравшей сознание тех, кто уцелел, все больше и больше. Ноги сами несли подальше от кровавой бездны, грозившей вот-вот поглотить всех, кто жил под несчастным городом на берегу реки.

Останавливались два раза. Проверить комплекты защиты, сменить фильтры, перемотать, если нужно, портянки. Некоторые так и тянулись к подсумкам с пайком, но замирали, заметив проводника, пугались черного провала капюшона. Тот, кто прятал под ним лицо, дал слово доставить к Красному Яру двадцать живых людей. И явно собирался сдержать обещание. Плевать ему на чей-то голод.

Двигались осторожно. От светлой громады «Союза», смотревшей в небо у Российской и до Аэрокосмического, прячась в старенькой бензозаправке напротив. Оттуда прямо, прижимаясь к Ботаническому саду и его живой лохматой гриве, к остаткам телецентра, изломанные вышки которого гудели в высоте.

Ночь и утро перетекли друг в друга совершенно незаметно. Вот-вот, где-то там, на востоке, светлела полоска, раскрашивая тьму в полутень и...

Серое заливало собой все вокруг. Наползало на бывшие когда-то бело-голубыми высоты с левой стороны, что тянулись от кондитерского комбината и до самой больницы Калинина. Прятало арку у входа в Ипподром и так и не выросший храм рядом. Стелилось по длинной змее Московского шоссе – его испещренная трещинами лента лежала прямо под ногами и вела к свободе... Или тому, что им хотелось увидеть в конце пути. За что заплатили проводнику, не-чистому с проклятой Пятнашки, двумя «семьдесят четвертыми», из тайника группы. Самому проводнику выдали аванс цинком «пятерки», распихав остатки по карманам и рюкзакам. Основная плата, семнадцатилетняя рыжая красотка, ставшая прошлой зимой сиротой, шла в середине группы, и ее прикрывали двое

мужчин.

Серое вокруг клубилось туманом, сменившим дождь и шквал. Влажная тяжелая взвесь перекатывалась волнами, в ней едва проступал остов одинокого рейсового автобуса-великана, почему-то с четко видимой табличкой за лобовым стеклом.

Бугуруслан – Самара.

Одна из женщин остановилась и всхлипнула, задергала плечами. Фильтр ее противогаза подрагивал. Стояла и смотрела, смотрела на черные буквы – такие мирные и такие старые.

Проводник толкнул ее в плечо, кивнул вперед, на мертвые крылья ИЛа, все так же задорно глядевшего пропеллером в низкое свинцовое небо. Двадцать два года, пробежавших, пролетевших, проползших с Войны, не смогли справиться с этим чудом.

Зеленый сверху. Голубой снизу. С алыми звездами на крыльях. Штурмовик, «Черная смерть», легенда, рождавшаяся в цехах Безымянки, стоял на посту и смотрел на настоящих людей погибшего города, которые в первый раз за протекшие годы оказались рядом с ним.

Туман, захвативший огромный перекресток Московского шоссе и проспекта Кирова вдруг зарычал. Сразу с трех сторон. С боков и прямо перед ними. И, откликнувшись, чуть позже пришел ответный рокот из-за спин группы.

– Ты сволочь... – старший, обернувшись к проводнику, поднял АК.

В тумане свистнуло. Тут же, плотно чпокнув, старшего пробило длинной зазубренной стрелой. Свистнуло, еще, опять... Одна, вторая... Старший, захрипев, пропал в тумане, захлебываясь в булькающем кровью кашле.

Туман рычал двигателями, пялился желтыми злыми глазами противотуманок. Слоно испугавшись стали, крови и накатывающей злобы, мгла отступила, выпустив наружу ребристо-хищную морду бронированного гантрака.

Огромный КрАЗ – с треугольником тарана на вытянутой морде, с черепами по верхней части капота – выкатился первым. Встал, щуря черные проемы защитных экранов на стеклах. На высоких трубах, наваренных за кабиной, торчали остроклювые костяные головы крыложоров, колыхались на ветру огромные маховые, иссиня-черные, перья, вырезанные из крыльев.

Женщина, та самая, недавно плакавшая, стянула противогаз, блестя совершенно сухими глазами в россыпи морщинок. Сжала губы, глядя на проводника, державшего в правой, шестипалой руке короткого трехствольного уродца, направленного на группу.

– Ты из Черных воронов?

Проводник молча кивнул.

– Зачем мы вам? Мы же договорились...

КрАЗ скрипнул люком, прорезанным с тыльной части кабины. Звонко звякнули подкованные каблуки. Цок-цок-цок...

Высокая, узкоплечая и сутулая фигура вышла из тумана. Остановилась рядом с людьми. На бледном лице выделялась татуировка – пляшущие змеи. Почти черные, на выкате, глаза уставились на говорившую. Серо-синие губы шевельнулись, показав кривые острые зубы:

– Договариваться с вами, с чистыми? С чистыми людишками, живущими под землей, как черви? Ты смеешься?

– Зачем мы вам? – упрямо спросила женщина.

Она не успела заметить движения и не услышала выстрела. Ее тело глухо упало в туман под крыльями самолета-памятника.

– Ты – точно не за чем. А вот ваши дети и две вон те кобылки... Добро пожаловать в настоящую Самару, девочки и мальчики. В настоящий ад. Не то что ваш детсад.

Глава первая. Не робкий не голубь гордо реет...

Ветер пах весной. Самой настоящей, без придури и обмана. Сладко, как и должно в мае, если тот на календаре. Травой и листьями, редкой гарью от костра из сухостоя и подобранных веток. И подснежниками, мать их, натурально, вылезшими наконец-то сраными подснежниками. Подтухшими, само собой.

Хаунд втянул воздух, скаля в ухмылке клыки и ровные желтоватые зубы, втянул аромат жизни широкими ноздрями горбатого носа. Он доволен, да, очень доволен, так и есть. Было с чего. Хаунд любил весну. Все оживает, заполняет собой недавние бело-серые пейзажи зимнего города. Прыгает, скачет, бегаёт, ползает и летает, шайссе. Вот прям как сейчас...

Караван из четырех носильщиков и их хозяина замер, вжимаясь в щели между ржавыми останками машин на парковке. Верно, где еще охотиться крыложорам, как не на людных дорожках-тропинках? А уж автостоянка, охренеть какая огромная, у держащегося «Космопорта» очень оживлена и всегда под завязку наполнена вкусными людишками. Вот они сюда и тянутся, доннер-веттер.

Длинное серое здание торгового комплекса, торчавшего на самом высоком самарском бугре, облюбовано всякой пакостью давно. Еще бы, сюда люди снуют постоянно, за одним, за другим. Прячься себе, сиди и жди, пока завтрак-обед-ужин сам припрется на двух ногах. И оно, если вдуматься, неплохо. Ему-то, Хаунду, всегда найдется подработка. Пусть и не самая выгодная, но все же... Жизнь-то человеческая сейчас ни в грош не ставится, верно, а вот груз у носильщиков – дело другое.

Ни о каких консервах и жратве речь не идет, все давно протухло или превратилось в говно да прах с пылью. Но ведь громада комплекса манит совсем другим.

Остатки хозяйственно-бытовых отделов, что самостоятельных клетушек, что «Ашана», не говоря о громаде строительно-ремонтного «Леруа Мерлен»... Это же настоящий Клондайк, что и говорить. Даже цемент иногда находится вполне себе пригодный. Или пластиковые трубы с фитингами для водных систем... как

сейчас, например. Вон, четверо бедолаг, подрядившихся тащить на себе серо-белые трубы и мешки с кранами да муфтами, жмутся, косятся на торгаша, лапающего старенький Иж.

Купец попался умный, охотничья двустволка сейчас в цене. Заводу «Коммунар» с Петра Дубравы пришлось несладко, но ему удалось уцелеть. И не просто уцелеть, а основать личное курфюршество по всему юго-востоку города. А как еще, если завод федерально-казенный делал порох и все, что взрывается? Запасы оказались хорошими, а главное сокровище – люди, – выжили. То-то. Потому гаденыш-барыга сейчас и хватается за свой «ижак», но защищать если кого и собирается, то только себя, натюрлих.

Крыложор и его потомство, три аспидные бестии, крутили восьмерки над своим запланированным перекусом. Дырявые паруса кожаных крыльев, натянутые на странно выгибающиеся суставы с ребрами, должны вроде как еле-еле носить тварей в воздухе... Только должны – не значит «обязаны». Свихнувшаяся в Войну матушка-природа класть хотела на нормальную аэродинамику. Потому крыложоры и не боялись одинокого человечка с ружьем. Их же трое.

В-ш-ши-и-х... Три метра размах крыльев, кожаные простыни, изъеденные болезнями и паразитами, свистят все ниже и ниже.

В-ш-ши-и-х... Черно-серые пятна над людьми вращаются, кружатся, притягивают взгляд, сбивают с толку.

– Да пошли вы!

Ха! Один не выдержал, вскочил, сдирая респиратор, чтобы не мешал хватать воздух, рванул вперед. Ага... У него за спиной удобный мешок, стянутый ремнями и крепко висящий на лямках, бежать можно. То-то дернулся торгаш, чуть не пальнув вслед, делая из него подранка. Вот люди, а?! Им помереть грозит, а барыга только о доходе и думает.

Не стал стрелять, успев задрать ствол на свалившегося в пике мелкого крыложора. Тот вывернулся штопором, ушел в сторону. А этот, бегун, чего там?

Не прокатило, йа...

Второй птенчик, страшилище размером с десятилетнего ребенка, с крыльями в рост Хаунда, рванул следом, ломано взмахивая своими парусами. Человек заорал, мечась зайцем и пытаюсь скинуть груз... Крыложор, зайдя слева, перелетел наискосок, вынырнув из-за правого плеча и почти незаметно махнув крылом. А на сгибах-то у них кривые, с мелкими зазубринками, шипы. Куда там твоему серпу для подземных ферм... м-да...

Кровь брызнула с внутренней стороны бедра, алая, бьющая далеко и сильно. Верно, тварь знала, куда метить, а рассеченная артерия это... дер Тод, смерть. Может, отстанут пташки от них?! Не, не желают.

Правильно, запас карман не тянет, а эти вообще любят дохлятинку. Дольше в гнезде повалывается грудой, так и грызть-жевать мягче.

Хаунд оскалился, рассматривая почти переставшего дергаться бегуна. Ну, пора и появиться на сцене. Стать, мать его, спасителем.

Ракету в сторону крыложоров, картонный цилиндр, рвануть за шнурок. Красно-раскаленная точка со злым воем вычертила дымный след, отогнала крылатых, заставив людишек что-то там радостно загомонить. Эй-эй, ходячая зарплата, отставить радоваться, оно ненадолго, йа.

– Э, бедолага! – Хаунд, спрыгнув с крыши крайней одноэтажной галереи, в несколько прыжков оказался рядом с торговцем. Присел за просевший внедорожник, густо покрытый мхом и набежавшим после дня Рубежа злоковылем. – Патроны побереги, не пуляй, шайссе.

– Ты кто?! – по-бабьи пискнул барыга.

– Хаунд. Могу вывести тебя отсюда, даже товар заберешь у того вон, что подход.

– Что хочешь?

– Двадцать процентов с выручки, и сразу. Или одного из носильщиков.

– А ху-ху у тебя не того, а?!

О, надо же, чей это голос со стороны параши? Никак, кого-то из вьючных животных на двух ногах.

- Скальп сниму, осел.

- Кто осел?

- Точно не я... - Хаунд, пошарив вокруг, нашел камень, кинул на голос. Там ойкнули и заткнулись. - Ты кто, человеке?

- Вадик...

- Это понятно. Ты каким ремеслом на жизнь пробиваешься, горемыка?

...

- Вот и я о том же. Если ты, шайссе, тупо носишь груз, так завали хавальник и не отсвечивай. Эй, купец!

- Да?

- Ты меня знаешь?

- Тебя все знают.

- Эт хорошо... - Хаунд хрюкнул от удовольствия. - Я слово держу. Носильщики жребий кинут, и...

- Двадцать процентов.

Да ну?! Хаунд удивился так сильно, что даже вылез наружу, глядя на него. Или на нее?

- Не продешевишь?

- Мое дело.

Ну, точно – девка. Молоденькая еще, добрая, жалеет дуболомов, умеющих только таскать на горбу чужой товар.

– Да как скажешь. Что там у тебя в патронах?

...

– Заснула?

– Оба с дробью.

– Шайссе...

Дробь против крылатых это как... как из пушки по воробьям. Каламбур, конечно, но результат один и тот же – нулевой. Ладно.

– Не высовывайтесь сейчас.

Хаунд проверил оружие. С этими-то, уже зло каркающими и легшими на обратный курс, иначе никак, а то мало ли... Дробь у нее с собой, предпринимательница... Еще два года назад наружу от подземников только сталкеры выбирались. Сейчас лезут все кто ни попадя, лишь бы добраться, да урвать. А потом спасай их, шайссе, рискуй.

Хаунд знать не знал, откуда у него с собой, когда в первый раз открыл глаза, оказался револьвер системы Галана и восемнадцать патронов к нему, считая со снаряженными в каморы. Он тогда мало чего помнил, если уж честно. Но важнее другое: «галан» служил хорошо, а переснаряжать патроны недавно стало очень просто.

Одиннадцать полных миллиметров или четыре с половиной калибра. Пуля в семнадцать граммов свинца, в медной рубашке, с надрезами на головке. Распускается внутри лепестками, смачно вгрызаясь в объект попадания. Начальная скорость, доннер-веттер, двести метров в секунду... Откуда он это знает, почему? Зачем – понятно, даже интересоваться не стоит. Полезно, что и говорить, но вот откуда?!

Одиннадцать миллиметров, семнадцать граммов, двести метров в секунду и надпилы надфилем... или просто надрезы его стальным другом «рихтером». Дураку все ясно, а не ясно, так сейчас поймет. Хаунд слово держит.

Крыложоры эти явно наприлетали издалека, местные-то поменьше будут, и это хорошо. Кучкуются поодаль, облепив старенькие руины двухэтажек по Булкина, а сюда соваться робеют. Эт верно, дерьмомонстры, тут вам не слабые человечки, тут вам новые короли воздуха, у них клювы с половину Хаундовой руки, а рука Хаунда, как известно, лишь чуть длиннее его же... Ладно, какая разница.

Что хорошего в револьвере? Гильзы сами по себе не улетают, йа-йа. Порох от «коммунаров» дорог, не настреляешься. Время сейчас не двадцать лет назад, «от пуза» давно никто не палит. А Хаунд таким дерьмом вообще никогда не страдал... на имеющихся нескольких годах своей новой памяти.

Крыложоры пошли в наступление. Выписывали вытянутые кривые и восьмерки, пестро рябили пятнами на крыльях, менялись, подныривая друг под друга и вдруг выскакивая сбоку. И не останавливались, ни на миг... Эт нормально, йа.

До них оставалось метров сто, отогнала их предпоследняя ракета, дала простора и времени. Но интересовали Хаунда не трое шедших в атаку, а несколько соседей, маячивших в отдалении и ждавших любой победы и объедков. Да, тут носильщики бы не проскочили, это верно. Продешевил, доннер-веттер, стоило загнуть все тридцать процентов.

Хаунд в несколько прыжков оказался у убитого... То есть у еще почему-то дышавшего и стонавшего бегуна. Хера се организм, ему ногу почти оторвало, а он еще за жизнь цепляется. Вундербар, просто настоящее чудо. Ну, бедняга, ты уж прости, тебе так и так помирать... А как говорил Суворов? Правильно – сам погибай, а товарища выручай.

Найн? Не заметил он во вдруг оживших и дико заблестевших глазах понимания. Да и черт с ним. Короткий двухлезвийный топор блеснул, коротко и мощно ударив, а разодранная нога осталась в темной ручище. Со стороны затаившихся носильщиков донеслись короткие хрюкающие звуки... Все верно, кто-то блевал... Что поделать.

Тройка крыложоров неслась стремительно, желая добраться до двуногого наглеца, рискнувшего попасться им на пути. Но еще быстрее, кувыркаясь и брызгая кровью, им навстречу неслась отсеченная нога. На кой ляд? Хаунд оскалился, видя, что затея удалась.

Мелкие местные крылатые, голодные уже черт знает сколько, не выдержали – так и дернули навстречу мясу, самому летевшему к ним в клювы. Или пасти? Рванулись вперед, сбивая троицу с выбранного курса атаки, мешая и мельтеша. Йа-йа, дас гут...

Бездымный порох у коммунаров не только жутко дорогой. Он еще и слабоват в патронах к «галану». Казус, но уж как есть. А вот дымный, наоборот, шарашит, как лошадь лягается. Знай успевай удерживать револьвер, чтобы вверх не бросило и прицел не сбился. Прямо как сейчас, йа!

Револьвер бил сильно, грохоча и плюясь огнем с раскаленным металлом, распуская целое облако дыма. Хаунд метался в сизом мареве черной хищной тенью, удерживая «галан» одной лапищей, замирал, целился, выбирал спуск. Одиннадцать миллиметров, семнадцать граммов, двести метров в секунду, надпилы-кресты... Как доктор прописал для людоедов с крыльями.

Дас гут, йа! В самого мелкого из тройки попал со второго выстрела. «Галан», дернувшись, ударил молнией, как пальцем ткнул точно между шеей и острой грудью, торчащей вперед лодочным килем. Раскаленная капля, проворачиваясь на входе в радиоактивное мясо, стукнула тупой головкой в плотный нарост перьев, полых твердых костей, тонкую тянущуюся пупырчатую кожу, красные эластичные маховые мускулы, стукнула и...

Надрезанный крест дрогнул, за мгновение распустился четыремя широкими треугольниками-обрывками. Раздирая плоть, рассекая мышцы не хуже хирургического ланцета, прошивая вязко-прочного и такого легкого крыложора почти насквозь, стремясь выбраться из него.

У пули получилось, йа!

Серо-багровые пучки перьев и красные ошметки брызнули в стороны. Тварь качнуло, спиралью потянуло вниз, ведя на застывших крыльях. Кровавая комета кувырком неслась вниз, и ее, на лету, рвали в клочья налетевшие мелкие

падальщики.

Второй поганец, увернувшись от трех выстрелов, комком ушел вбок, выравниваясь на ходу и... удирая. Дас шейн. Хаунд, прищурившись, ловил оставшуюся паскуду, разъяренную мать, летевшую на него черно-серым смазанным снарядом. Десять... пять... два метра...

«Галан» ударил рокочущим звериным басом. Рыкнул, снеся крыложору левый глаз и кусок глазницы. Мутант, раскрыв клюв, хрипло заухал, не останавливаясь и выставив лапы с выгнутыми костяными серпами.

Хаунд успел откатиться в сторону, когда коготь зацепил край длинного плаща, легко вскрыв плотную кожу, которую не всякий нож взять мог. Только Хаунда это волновало мало... Сейчас. «Галан» он так и не выпустил, а левая рука все это время была занята – сжимала друга-«рихтера», его острозаточенного «палача» с двумя лезвиями. Пригодился.

Хаунд прыгнул на тварь, пытаясь не дать той развернуться. Даже раненая и не успевшая взлететь высоко, мать была опасной. И рвалась назад, в родную свободу пустоты воздуха. Взмахнула крыльями, отбросив в сторону зачем-то выскочившую купчишку с ее двустволкой, взмахнула еще раз, подняв клубы пыли...

Он оказался быстрее. В прыжке ударил сапогами между крыльев, рубанул «рихтером» точно в основание шеи. Крыложор, просев вниз, хрипло крикнула, раскрыв черно-матовый клюв, острый, в кривых выростах-клыках по краям. Топор ударил еще раз, еще... хватило трех раз.

Узловатая сильная шея, поросшая чешуйчатой плотной кожей, не выдержала, разошлась под острой сталью. Хаунд, довольно скалясь, смахнул кровь с лица, развернулся, рыкнул. Купчишка, подняв «ижак», целилась прямо в ему лицо. А «галан» пустой...

Стволы качнулись вниз. И он рухнул. Грохнуло почти тут же, окатив горячей темной кровью вперемешку с чем-то липким. Последний из залетных крыложоров, крича, катался по дырявому асфальту парковки, отрывая склизкие кровавые комки из простреленной шеи и грудины.

- Дробь, йа? - Хаунд темным блестящим языком облизал содранное запястье. - Дробь?!

- Я женщина, мне положено не разбираться в мужских игрушках, - из-за намордника респиратора голос шел глухо, но она там... улыбалась? - Картечь, дробь... какая разница?

- Натюрлих... - Хаунд кивнул. - Данке.

- Что?

- Спасибо. Так...

Затея удалась по полной. Мелкие крыложоры, плевать хотевшие на людей с гром-палками, облепили незадачливого бегуна, дербаня его. Торгашка косилась на них и явно прикидывала - стоит ли тратить патрон, чтобы забрать мешок?

- Я бы оставил. - Хаунд повернулся к носильщикам. - Эй, один, ко мне.

И начал рубить головы крыложорам. И потрошить старшую, старательно добираясь до печени или что там у нее заменяло такой нужный орган.

- Ты обещал нас провести... - торговка стояла рядом, терпеливо наблюдая за ним.

- Йа, проведу.

- Чем ты занимаешься? Нам надо...

- Женщина... - Хаунд с хлюпаньем извлек пористую скользкую массу из крыложора. - Не мешай мне! Из-за вон тех обжор мне достанется куда меньше с моих же двадцати процентов. Ты знаешь, сколько стоит снарядить один патрон в револьвер? Знаешь? Не знаешь, поверь. Потерпи.

Носильщик, возможно, тот самый препирающийся Вадик, косился на его занятие и молчал. Рихтиг, это очень верно, молчи, человек, целее будешь. Хорошо быть Хаундом, все тебя знают и большинство опасается. Стоят, как бараны. Хорошо,

не блеют. Почти...

– Эй, люди! В ряде мировых культур принято совершать погребение с помощью птиц. Они растаскивают и пожирают бранные людские останки. Тот одноногий товарищ, каким бы глупым он ни оказался, спас вам ваши же дерьмовые жизни. Окажите ему честь быть похороненным таким замысловатым способом, ай... Уяснили? Кто-то против?

Против никто не высказался. Хорошо быть Хаундом, одно слово.

Крыложоры, дико крича друг на друга, жадно жрали, подкидывая куски и глотая их на лету. Иногда даже дрались, но это мало кого волновало. На стрельбу и вопли никто не набежал, и то хорошо. Хаунд, закончив дело, вручил носильщику связку из трех огромных голов, нанизанных на относительно целый провод, выданный из развалившегося внедорожника.

Печень Хаунд упаковал в снятый чехол подголовника, слегка полив водой из фляги. Не из своей, само собой, а взятой у Вадика. Злобный взгляд проигнорировал. За новые года трезвой памяти их накопилось куда больше, чем достаточно. Эт нормально и привычно...

А чего косятся? Тоже мне, вопрос...

Да ведь он – хренов мутант, чертова отрывка свихнувшегося мира. И ему охеренно.

Глава вторая. Добрые люди не доброй Спортивной

Спортивная ему не нравилась. Докатившаяся два года назад, в тридцать третьем от Рождества Христова, очередная война Города и Безымянки оставила слишком много следов. От копоты по стенам и пулевых выщербин, исполосовавших вполне милую мозаику с хоккеистами, борцами и гимнасткой до нескольких колонн совершенно без плиток. Покрытые лишь застывшим цементом, те смотрелись отвратно и мерзко, как рот Кривоносой, местной бордельмаман.

Хаунд, насмешливо глядя на прошедших дегазацию носильщиков, встряхнулся, скидывая воду. Тугие длинные косы, связанные в пучок, мотнулись, окатив соседей целым водопадом. От взмахов плащом они сбежали подальше. Стояли, уже не скрывая отвращения и перешептываясь. Да, Хаунд-то и есть Пес, пусть и в людском обличье, вот и отряхивается ровно как собака.

– Спасибо.

О, хозяйка барахла образовалась. Никак пришла рассчитаться? Дас ист зер гут, очень, очень хорошо. Хаунд обернулся, глядя на нее сверху вниз. Два с небольшим метра роста позволяли. Надо же, какая храбрая мелкая глиста, выбравшаяся наверх... Жаль, не в его вкусе.

Круглые зеленовато-болотные глаза, курносый кроха-нос и светлые волосы. Да еще и тощая, что куриная ножка у Чингиза на Победе.

– Битте.

– Пожалуйста?

– Йа. Рассчитаемся?

Та вдруг вздохнула, явно ожидая чего-то иного. Эй, думкопф, дурная башка, что это мелькнуло в твоих глазах? Хаунд растянул темные губы, блеснув немалыми клыками. Это ему всегда нравилось, наблюдать за реакцией на его... отличия. Он же, мать его, хренов мутант.

– Рассчитаемся. Мне нужно полчаса.

– Гут. Буду в кабаке. – Хаунд ткнул пальцем в большую туристическую палатку, даже две, занимавших середину станции. Лукьян, хозяйничающий в «Ни рыба ни мясо...», его приходу не радовался, но и не раздражался. Палатки ему перепали через Хаунда, экономия вышла большой.

– Я Кро... Кротиха.

А? Хорошо. Хаунд кивнул.

– А если я не местная и удеру, не рассчитавшись?

Мутант остановился, чуть повернув голову, блеснув темными раскосыми глазами из-под густых тяжелых бровей.

– Ты знаешь, как это глупо, йа?

Та кивнула. Все знали: Хаунд всегда забирает свое. Не обманет девчонка, испугается.

– Я в кабаке.

Спортивная восстановилась быстро, оправившись от всех бед с несчастиями. «Космопорт», до конца так и не разграбленный, помог. Взаимовыручки-то тут, на Безымянке, отродясь не водилось. Местным еще повезло, что свои же не добились, превратив в трудовые, считай – рабские, ресурсы. Сейчас, как смогли, старались не допустить такой хрени, постоянно превращая станцию в настоящую крепость.

Тоннели с баррикадами из мешков и двутавровых балок, вогнанных наполовину. Стальные плиты между ними, поднимаемые вверх системой блоков, для остановки состава или боевой дрезины. И караулы теперь не в пример лучше, как пару раз говаривали знакомые сталкеры за едой в «Ни рыбе...».

Сталкеры к Хаунду относились по-разному. Многие недолюбливали, было с чего. Хрен с тем, что мутант, хотя половина поначалу желала выпотрошить серокожего ублюдка быстро и незамысловато. Пришлось доказывать остроту «рихтера» и слабость человеческого тела в рукопашном бою. Даже если опытных бойцов несколько. Максимально на него как-то навалились впятером, отчекрыжив даже кусок уха. Вместе с парой любимых серебряных колец, так мило звякавших на верхнем кончике. Черт знает, чего с этими серьгами связывало, но тогда Хаунд просто озверел – в отместку оторвал каждому по половине уха.

За два года с открытия Рубежа к мутантам, разумным и относительно нормальным, в городе попривыкли. Это верно, и даже сталкеры, похоронившие много товарищей, смогли уgomониться. Почти...

Не любила его братия, шаставшая снаружи, за простейшую вещь. За конкуренцию. Хаунду наверху приходилось куда проще, чем обычным людям. Ему даже потерянная недавно маска с зеркальными линзами нужна была именно как защита от солнца, в последнее время вылезавшего все чаще... натюрлих. Слепота-то ему не грозила.

Так что...

В метро он себя ощущал вполне неплохо. Без напрягов. Хорошо, когда ты Хаунд, многое не колышет, йа. Так, натюрлих, надо бы поесть. Именно поесть, эссен, то есть по-человечески. Фрессен – жрут свиньи, йа. Но сперва надо сдать трофеи. И он прекрасно знает, кто купит, не торгуясь, эту вот самую печенку, а кого затащит от трех неплохих голов крыложоров. Люди такие люди... Чуть жизнь наладится, начинают окружать себя всяким дерьмом, типа охотничьих трофеев и мебели из натурального дерева.

Крохотная будка аптеки пряталась в правом дальнем углу, зеленея намалеванным крестом на относительно чистой простыне. Хозяйку аптеки, худенькую пожилую Марьпалну, Хаунд знатно уважал. Было с чего. Хотя это не мешало ему порой желать свернуть ее сухонько-цыплячью шейку.

Марьпална и две ее коллеги, сгинувшие в последующие послевоенные годы, прискакали на Спортивную через три минуты после «Атома». И не просто так, а нагруженные, как тягловые мулы, баулами и мешками. Но главное находилось в их головах. Знания и опыт, полученные за годы работы одной из немногих рецептурных аптек Самары, расположенной в двухстах метрах от входа на станцию. И как ни старались переманить ее, единственную выжившую, на Клиническую, Марьпална стойко заняла оборону, и будка ее белела всегда чистыми стенками и вывеской. За эту самую седенькую тонкую даму все окрестные бродяги, да даже и бугры Безымянки, готовы были сжить со свету кого угодно. Потому как Марьпална умудрилась найти обезболивающее в странной плесени, росшей в одном из тоннелей. И из нее же, странно живой и рыжей, пыталась выделить основу для антибиотика. И у нее даже получалось. Еще Марьпална, пусть и с помощью легендарного студента-медика Степы, вскрывала трупы мутантов и находила внутри странной требухи всякие нужные вещи. И даже вовремя предсказала вирус, выработав антидот на основе какой-то там железы. Правда, именно от пробы, введенной в руку, помер тот самый Степа.

Марьпална, провожая вверх каждого из сталкеров, просила приносить любую ткань для корпии, любую упаковку ват. Несколько лет назад, не струсив, добралась до своей же аптеки. Понятное дело, конвой у нее состоял из десятка головорезов, перед этим два дня зачищавших округу даже от обычных гнилопсов. Не приведи Господи, случилось бы чего с ней...

– Кого это к нам занесло?! – Марьпална, в отливающей молочной белизной косынке, повернулась и прищурилась. Прищур вышел одновременно оценивающим, показательно негостеприимным и полным ужаса от антисанитарии, насквозь пропитавшей плащ Хаунда. – Никак торговаться пришел, кровопийца?

Марьпална Хаунда не любила и нелюбви своей не скрывала, справедливо сознавая собственное безопасное положение. «Справедливо» уже маячило неподалеку в количестве двух обрезанных гладкостволок и одного заточенного пожарного багра. На Спортивной ценными жителями дорожили и безопасность их ставили превыше всего.

– Не люблю кровь, йа. – Хаунд аккуратно положил на стойку чехол от подголовника. – Неприятная на вкус.

– Да ну? – Марьпална изогнула аккуратно выщипанные брови. – Тебе-то, фашисту, кровь человеческая неприятна?

– Их вайс нихт.

– Чего? Я вашей фашистской речи не понимаю.

– Я не знаю, какова на вкус человеческая кровь... Хотя нет, вру. Довелось как-то горло перегрызать, если память не изменяет. Но вдруг это фантомная память, йа?

Марьпална фыркнула и не ответила, постучав огрызком карандаша по большой книге записей. И ткнула им в чехол.

– Что припер, кормилец?

- Кусок залетной птички. Печень вроде... целая, большая, кило на два.

- Тоже мне, весы нашлись. - Марьпална вытряхнула пористую сизую требуху, брезгливо прищурилась и неуловимо извлекла откуда-то большой ланцет. - Не шарахайся, сынок, мне пробу взять. Лена!

Лена, в толстом кожаном ошейнике, тут же появилась, как из-под земли. Хотя, судя по следам на теплом жилете, так и было. Холодильник аптеки находился в каком-то ответвлении коммуникаций под станцией, и колодец-вход как раз накрывала сама будка.

- Быстро на лед, сперва промой спиртом. И попробуй только урони!

Лена вздрогнула, отворачивая лицо с выжженным клеймом Спортивной, недавно вздувшимся поверх старого. Рабыня не из местных, скорее всего, с Металла, и появилась тут неделю назад.

- Что хочешь? - Марьпална смотрела на Хаунда с совершенно нескрываемой брезгливостью.

- Обезболивающее, рыжее, десять ампул.

- Не до хрена ли тебе, убивец?

- Нет, само то. Ты не торговалась, взяла товар, не корчи из себя благородство или честность. Честные и благородные на людей ошейники на цепляют.

- Позвезди еще мне тут, фашист.

- Я не фашист, женщина, говорил уже. Мне просто нравится немецкий язык.

- Ты уж точно не фашист... ты мутант.

Хаунд наклонился вперед и, растягивая темные губы, медленно улыбнулся. Ни у каждого гнило-пса можно выдрать на трофей такие клыки. Это точно.

– Обезболивающее.

– Да подавись... – Но ампулы выложила аккуратно, упакованные в небольшую укладку, проложенную корпией. – Головы бы купила.

– Обойдешься. Фашист сам распоряжается своими трофеями.

На ее фыркание Хаунд давно не обращал внимания. Все ждал плевка в спину, надеясь на него в глубине души... Если у него была душа, конечно. Тогда можно было бы сломать ей что-нибудь... Не до смерти. Например, нос.

А есть что-то в этих головах важное. Не так давно у одного городского хлыща аж глаза загорелись, когда он рассматривал красную рогатую голову смертодятла. Спорить с Хаундом, желавшим за нее две канистры топлива, тот даже не стал. Что-то крикнул шестеркам и бережно упаковал трофей в принесенный металлический двадцатилитровый армейский термос. И попросил обращаться еще в случае таких находок. Только сегодня ему было совершенно несподручно делать крюк в Город. Хотелось вернуться засветло.

Две головы он сбавил заезжим хватам с Алабинской. Эти точно найдут, куда приткнуть новые образцы фауны, прямо по дороге завернут на Клиническую и толкнут втридорога врачам. Тех хлебом не корми, дай показать, как они работают на благо Города, отыскивая в страшно опасных радиоактивных останках новые вирусные культуры или паразитов, ага...

К упаковке обезболивающего добавился неполный магазин «пятерки», звякавший теперь в кармане при ходьбе. Но сбавить такое палево Хаунд планировал уже вот-вот, вместе с оставшейся, самой большой, крыложорской башкой.

Место для этого имелось. В «Ни рыбе ни мясе» Лукьяну трепетно украшал свою харчевню всякими завидно-интересными фиговинами, типа недавно пойманного Котом вороненка с двумя головами. Одна даже вроде чего-то там могла почти думать, если судить по действиям птицы. Зачем оно надо хозяину кабака? Хаунд, натюрлих, не понимал.

В животе заурчало, и желание сожрать парочку... а лучше трех хорошо прожаренных крыс по-безымянски появилось просто невероятное. Свиньями

Хаунд порой брезговал, в отличие от хрустко прожаренных огромных грызунов.

– Здорово, – буркнул на входе Шамрай, кивнув лысой, блестящей башкой. – Сегодня три «пятерки» только за вход.

– Варум? – поинтересовался Хаунд.

– Какая Варум, ты чо? – Шамрай оскалился улыбкой панды, темнея прорехами через каждый зуб. – Девочки танцуют.

– «Варум» – это по-немецки «почему». А кто такая Варум?

– Ай, ну тебя, я ж забыл... Да, ё-моё, Хаунд, отстань. Платить будешь?

Девочки, да еще и абер лангзам-лангзам, крутя гладкими блестящими животами и всем остальным, наверняка в голом виде... Почему бы не заплатить?

– «Пятеркой», сам же сказал, йа?

Шамрай пожаткал вислыми губами, косясь на кулачище Хаунда, нырнувший в карман.

– Проигрался? – Хаунд хмыкнул, глядя на здоровяка, старавшегося не сталкиваться взглядом. О, йа, проигрался, в самое обычное «очко», судя по всему.

Шамрай вздохнул.

– Ну, это...

Карман издал призывное мелодичное позвякивание, заставившее сурово-скорбное лицо Шамрая неожиданно засиять искренне-детским ожиданием чуда. Разве можно тушить эдакий, почти ощутимо золотой и теплый свет, идущий от него?.. Можно и даже нужно.

– «Ну, это» что?

Вспыхнувшая надежда на волшебство растаяла, гонимая жестокими звездюлями жизни. А хули, майн фрёйнд, не в сказке живем. Давай, трепи болталом, раскрывая конфиденциальные тайны местного двора и закоулков, потешь онкеля Хаунда байками и малым количеством правды.

– Городские решили заняться железкой, от вокзала и до Мирной.

О, йа, голубчик, это каждому шпенделю известно, нашел, чем удивить.

– Наши договариваются о союзе, чтоб, мол, от Киркомбината и до Пятилетки участвовать и в доле быть потом.

Натюрлих? Именно так, и тут даже не надо шпионить, ползая в отростках бункеров на Куйбышева и Хлебной, все и так ясно. Город хочет брать Прогресс. А как его возьмешь, не имея преимущества, включая подвоз боеприпасов и людей? Восстанови хотя бы одну ветку, найди пару-другую тепловозов, да инженеров, да топливо и начни подтягивать силы к той самой Мирной, платформе в сторону Кинеля с Отрадным... Глядишь, выгорит, йа.

Но этого мало, хотя стоит подкормить Шамрая. Айн-цвай-драй-фир-фюнф, пять патриков с зеленой «трассирующей» головкой ловко спрятались в рыже-волосатой лапище.

– Э... еще?

Хаунд оскалился, довольно и в предвкушении чего-то стоящего. И побренчал в кармане.

– Новые рабы с Воронежских, Пятнашки...

Йа... дас ист фантастиш, натюрлих.

Так, значит, живая сила из районов, не тронутых ни Городом, ни Безымянкой. Почему нет? Тут же все ясно...

Самара еще не пришла в себя окончательно. Даже ему, мутанту с очень сильным организмом, подаренным кем-то наверняка совсем-совсем умно-гениальным,

приходилось пользоваться защитой. Где противогазом, где химзой, где даже баллонами с воздушной смесью, продаваемой Прогрессом почти на вес золота...

Система бункеров в восточных микрорайонах Кировского и Промышленного районов справилась в Войну по-разному. Это Хаунд успел узнать еще в первые месяцы, как очнулся черт пойми где. «Черт пойми» оказалась Товарной, длинной улицей, разделяющей относительно городской Кировский район, Зубчаниновку и Заводское шоссе. Там, выстояв в ядерную бурю, мрачно высились громады цехов ракетно-космического завода «Прогресс».

Бункеры не справились. Трещины, просочившаяся вода, добравшаяся пыль, проникшая отрывка биологического оружия в пару с радиацией. Нет, люди там не вымерли, не стали непонятными уродами, напрочь лишенными человеческого облика... Но практически преданные, брошенные в каменные мешки, ставшие западней, они оказались обречены на вырождение и перерождение – страшное, полыхающее болезненными пульсациями мутирующих тел и сознания. Им выпало стать не-людьми. Не-чистыми.

Для Города и Безымянки они никто. Отбросы, трудовой ресурс, почти не имеющий границы и запертый в городских границах. Рубеж пал, да, но там, за ним, вдруг уже скалились на бывшую губернскую столицу накопившие за двадцать лет силу княжества и республики.

Пока они не столкнулись, прощупывая друг друга. Пока налаживали контакты, начав получать топливо от железнодорожников Кинеля и летной анархо-вольницы Курумоча, кожу и вяленую рыбу водной коммуны Богатыря и Зелененького, овечьи шкуры и шерсть со стороны Большой Черниговки.

И везде, несмотря на своих собственных мутантов, парии изменившейся Самары встречали лишь один набор: кулак, приказ, колодки или ошейники, кнут или хлыст из рыбьего хлесткого уса, лопату, серп, кувалду, тяжеленную шпалу на плечо, кружку воды утром и вечером, две пайки дробленки и кусок мяса в выходные... А уж чье было то мясо, вряд ли кто из них спрашивал.

Хорошо быть Хаундом, если ты мутант. Хорошо быть мутантом, коли выпало родиться Хаундом. Вспоротые глотки и животы приучили не пытаться сделать ему плохое... Пока.

– Это, Хаунд... – протянул Шамрай... – Чо думаешь?

«А чего тут думать?!» – пару месяцев назад сказал врач с Клинической, глядя на найденную им красотку, лежавшую под рухнувшей стеной в Московском квартале.

«Чего тут думать? – повторил тогда врач, протирая тоненькие очки, аккуратно запаянные посередке. – Перелом позвоночного столба, в районе... да какая разница? Она и говорить-то не может из-за этого. Внутренние органы, судя по всему, практически целые. Это... хорошо...»

Девчонка была с Пятнашки, татуировка на плече говорила сама за себя. Чего тут думать, не лечить же? Органы хорошие, можно попробовать спасти кого-то из шишек Города, все равно она... мутант. И совершенно нестрашно, что большой или маленький босс из бункеров Хлебной или Куйбышева будет чистить кровь мутировавшей печени, ссать мутировавшим мочевым пузырем или... Такие, как Хаунд, не люди, йа. Просто ходячие швайне – свиньи, годные для употребления настоящими чистыми человечками. Натюрлих.

Окраины сейчас терпеть не станут. Даже странная и страшная жизнь на все еще фونهاщих развалинах лучше рабского ошейника. Но свобода никогда не дается без боя. И за нее можно и получить пулю, стрелу, свинцовый шар из пращи или нож под ребро. Хаунд это знал... Хотя и не помнил – откуда.

– Чо думаю? – Хаунд оскалился.

– Ну, это, ну да.

– Думаю, будет война. Большая война, ха...

– Ты чо?

– Заранее радуюсь. – Хаунд кинул еще пять патронов в его лапищу. – Я же убийца и фашист, майн фрэйнд, йа-йа.

Город у реки (Memoriam)

Дядюшка Тойво точил пуукко. Если есть время, почему не заняться собственным ножом? Недавно пуукко помог добыть еду, стоило подправить. Хотя и без того им можно бриться.

Пуукко был правильным, выкованным старым саамом на березовых углях, из железа, добытого на болоте. Резная рукоять ложилась в ладонь Тойво удобно и приятно, как рука старого друга. Отец Тойво, старый лесничий Ярви, стоял рядом с саамом все время, качал меха, подливал сладкого квасу в большую кружку, поддерживал, носил уголь и делал все нужное.

Пуукко для сына очень важная вещь, Ярви знал это хорошо. Дома, на полочке возле желтых дагерротипов, зеленоватых портретов Первой мировой, прочих фотографий, хранились ножи нескольких поколений. Зачем класть пуукко в сырую могилу, сказал как-то дед Микка, пусть напоминает обо мне, пусть его крутят в руках твои внуки, принимая силу прадеда через березовую рукоять.

Ему тоже надо бы выковать пуукко. Только у кого? Саама здесь не найдешь. Да и людей...

Город, где дядюшка Тойво прожил почти четверть века, ему не нравился. Не хватало простора, леса, речушек и мохнатых ковров болот. Камень, бетон, кирпич, ядовитая пыль и прах миллиона человек, сгоревших в одночасье или умерших за несколько месяцев после Войны.

Даже Река, теперь ставшая открытой в обе стороны, не могла исправить его отношения к Самаре, куда его забросило не иначе как по воле правого копыта Перкеле двадцать с небольшим лет назад. И, сидя в своем «гнезде» на макушке старого дома, построенного при усатом варваре, правившем красно-кровавой русской империей, дядюшка Тойво думал и думал, хотя это неправильно.

В «гнезде» не сидят просто так. Охотник уходит повыше только ради зверя, нужного для выживания или ради самой добычи. И, ожидая появления добычи, нужно стать лесом, лугом, горами или болотами вокруг тебя. Слышать не ушами, а телом, видеть не глазами, а внутренним зрением. Ярви научил сына этой науке давным-давно, и она пригождалась даже здесь, в холодном каменном мешке

города у Реки.

Он старался все эти годы. Старания не прошли даром. Шведа искали многие, хотя где и как найти – знала лишь пара человек. Раньше были еще два. Но они оказались болтливými, и Тойво, защищая семью от чересчур ретивых заказчиков, потерял второго сына, а он его любил. Эти люди здесь не хотели понимать простого желания жить и не лезть в большую жизнь подземного муравейника и его наружной части. Они даже не хотели понимать, что он, Тойво, не швед.

Высоченный, рыжий и скандинав – точно швед. А куда денешься от крови второго деда, Свена, уехавшего из Уппсалы ради крохи Анни, в ее родной Або? Тойво, проклянувшаяся кровь викингов, так сильно вымахал единственным из всех сыновей Ярви. И не стеснялся этого. Сила деда Свена в самом начале жизни здесь позволила как-то раз убить сразу троих людоящеров-мэргов, напавших на него с женой. А из оружия был только пуукко, и все.

Тойво не жалел людей, убитых им. Они все были животным, вели себя как животные и заслуживали животной смерти. Чести и совести в них почти не было, потому десять лет назад ему пришлось прийти в бункер под штабом Второй армии и на Алабинскую, вырезав часовых и семьи тех, через кого знающие люди искали Шведа. После тех красных ночей никто не хотел самостоятельно отыскать выход на молчуна с огромной рыжей бородой.

Ветер гнал тучи по серому низкому небу, рвал хлесткие новые ветки выживших и выросших деревьев. Листья на них шелестели мертвыми голосами, впитав в себя смерть миллиона человек, рассказывали истории каждого, советовали, как лучше поступить дядюшке Тойво, вновь вышедшему на охоту.

Прямо перед ним, еще поблескивая нержавеющей сталью, лежал человек с крыльями в руках. Огромный старый памятник, не выдержавший Волну. Чернели бывшие газоны, а серый пепел от высоких деревьев на них давно разнес ветер-гуляка, рвавший в город с Реки.

Ее черное зеркало дядюшка Тойво мог рассмотреть во всех подробностях в цейсовский прицел карабина, привезенного на соревнования тогда, в тринадцатом году. «Манлихер» переходил из рук в руки, не старея и служа третьему поколению семьи Тойво. Дед Микка бил из него лосей и красных в

Зимнюю войну, потом бил красных у Мурманска, потом в Карелии, отступая в Суоми. Семья Тойво умела стрелять и занималась этим последние двести лет. Потому ствол карабина и не пришлось менять. Зачем тратить много-много выстрелов и дорогих патронов, если можешь прицелиться и выпустить маленькую смерть всего один раз?

Старая набережная просматривалась до самого бассейна. Слева и справа огрызки домов. Если прямо, то Река. Река давно перестала быть Волгой. Дядюшка Тойво считал ее Туонелой, рекой мертвых. Там, за ней, лежит земля, там могут жить. Здесь, в городе, живут лишь мертвые. Даже если кажутся живыми. Хотя сами не чувствуют смерть в себе и в городе.

Сейчас город освободился, невидимые оковы границы спали, но люди остались те же и выбирать не хотели, боясь мира вокруг. Почему не ушел сам Тойво, так долго желавший оказаться на родине? Потому что Тойво умел думать и чувствовать. И предвидеть наперед.

Он почти сразу понял, что изменился. В первый же год после Войны ощутил в себе чужое. Испугался по первости, было дело. Но потом, вспоминая уроки дедов и отца, перестал ожидать плохого и зря тратить собственное спокойствие, дарившее силу. И даже смог убедить жену рожать, несмотря на страх. Йомми, их первенец, оказался почти здоровым мальчишкой, а шерсть, выросшая к десяти годам по всему телу... Ну, даже помогала зимой. На охоту отец выходил в утепленном комбинезоне, с годами превратившемся в плохо согревавшие обноски, а сын легко сносил мороз в легком маскировочном халате.

Дядюшка Тойво стал сильнее, стал лучше слышать и чують. А странные наросты по бокам почти не беспокоили, хотя... Хотя иногда ему даже казалось, что внутри стучат два сердца, перебивая друг друга. Но к докторам на Театральную или Клиническую не ходил. Даже рожать жене помогала старуха-рабыня Хузямал, выкупленная на торжище Поляны. Татарка, задержавшаяся на свете куда больше положенного, зло смотрела на него двумя зрачками подслеповатого правого глаза и прикрывала левый, затянутый кожаной блямбой. И помогала рожать его Марии, взятой с Алабинской за два «калашника» и цинк с «семь-шестьдесят два». Сейчас Мария его даже полюбила... Наверное. А тогда – боялась.

Странно не бояться огромного, рыжего и плохо говорящего по-русски финна, застрывшего в Самаре из-за охотничьей выставки и конкурса по стрельбе,

невозмутимо прирезавшего при ней двух наглецов, решивших на выходе со станции отобрать старую винтовку и добротную куртку-натовку. Тойво тогда просто снял с пояса пуукко и отправил их в Похъёлу. В настоящую страну смерти, холода и чертей, где обоим точно будет как дома.

Почему? Дядюшка Тойво давно понял для себя ответ на такой вопрос.

Город сам стал Похъёлой, наполнился хитростью, злобой, жестокостью и завистью. Дядюшка Тойво не переживал. Ему жилось хорошо. Рыжего Шведа постоянно искал какой-нибудь заказчик-подонки, желающий избавиться от другого такого же подонка. А Тойво?..

Глаз не подводил, винтовка тоже, патроны он сэкономил, а пуукко всегда можно наточить. Особенно, если задача хороша. За хорошую задачу хорошо платят. Дядюшка Тойво ждал особенного хищника... Пса. Хаунда.

Глава третья. Пир во время чумы

В «Ни рыба ни мясо», так уж повелось, кормили гостей именно вторым и первым из названия. Хотя, как понял Хаунд, рыба появилась недавно. Как вскрылся тот самый Рубеж. А уж что это была за штука... Никто так толком объяснить и не мог. Или не хотел, да и хрен с ним.

По обыкновению гладко выбритый и чисто-красиво одетый Лукьян красовался сегодня в голубой рубашке под теплым темным жилетом, синих брюках и хорошо пошитых сапогах. Не начищенная кожа, а чистый хром, прыщи разглядывать можно. Дорогого, в полной мере этого слова, гостя встретил сам, лично и почти на входе. Или на выходе... Это как посмотреть.

– Здравствуй, Хаунд.

– Гутен таг... – Хаунд протянул ему мешок. – В коллекцию.

Лукьян с интересом сунулся породистым носом внутрь, довольно кивнул и позволил себе полуулыбку. По настоящему улыбающимся хозяина кабака никто

и никогда не видел. Характер такой.

- Спасибо. Как обычно или погулять душа просит? У нас сегодня...

- Красивые голые фрэйляйн, слышал. Даже заплатить пришлось... - Хаунд огляделся, привычно скалясь в ухмылке.

Фирменный оскал всегда вовремя ставил на место подвыпивших местных и заезжих-забредших гостей, порой, по каким-то странным причинам, не слышавших о нем. Хотя иногда, под грустное настроение, Хаунд с самого порога напускал на себя пришибленный вид, такой правильный для мутанта, оказавшегося среди нормальных людей. А чуть позже поднимал настроение, выколачивая дурь и дерьмо из подвернувшейся тупой башки, купившейся на такое.

- Да, не ошибся. Тебе в углу подальше?

Хаунд кивнул. Ну, что тут у нас?

Косятя. Почти все рожи хоть и знакомые, но снова косятя. Упыри, шайссе. Коситесь, хер с вами. Один черт, если и полезете, только поможете снять напряжение. Очень уж хотелось выпустить пар одновременно с чьими-нибудь кишками, склизко и вонюче падающими из вскрытого брюха.

Нет ничего лучше, чем прижучить попавшего под руку поганца, если на душе вдруг грустно и черная меланхолия бродит в лихой крови. Порой не просто хотелось ломать лица и пускать кровь, а хотелось этого совершенно неимоверно. Что поделать, видать, гены сказывались. А они, гены-то, у него прямо на морде отпечатались всеми своими ломаными ячейками и нескрываемой агрессивностью. Так чего пытаться усмирять свое «я», если всегда найдутся желающие испытать?

Люди порой мнят о себе куда больше, чем есть на самом деле. Половина сталкеров подземки, мнящих из себя сраных странствующих рыцарей, на деле - самые обычные двуличные мрази. За наживу готовы продать кого угодно, и ни хрена не фигурально. Война всей этой толпе сделала просто царский подарок. Вернула возможность не таскать личины цивилизованных и культурных.

Йа, так и есть. Каждая вторая падла, сидящая в палатке, насквозь пропахшей мясом, жиром, спиртом и самогоном, только рада наступить на горло слабому. Хаунд жутко любил весну. Например, за хреновы подснежники, так охотно рассказывающие всю правду о людишках в ОЗК и противогазах, выставляющих себя благородными охотниками за сокровищами ради общего блага.

Раньше они так и трепались про кошмары наверху, набивая себе цену, нагоняя страха. Сейчас, когда вдруг стало проще и чище, ужас сам стучался к горожанам. И у него даже было имя.

Рейдеры. Чертовы поганцы из восточных районов. Изверги из трущоб-фавел за Пятнашкой, новостроек Кошелька, начавшего подниматься за пару лет перед войной. Как этим удалось выжить – непонятно. Но они выжили и сбились через двадцать лет в злобные волчьи стаи мутантов. Двунogie хищники, потрошившие мягкое подбрюшье Города, приходили, как бури после Войны: неожиданно, страшно и оставляя после себя ошметки, осколки и разруху.

Форпосты горожан, начавших экспансию по возвращении всей Самары, сгорали так же быстро, как и появлялись. И все повторялось...

Разорванные на куски тела тех, кто защищался, не желая сдаваться зверям, шедшим в бой с диким воем и улюлюканьем. Дикари, не щадящие даже жалкие остатки цивилизации. Убийцы, с малых лет наученные орудовать чем угодно, а если ничего нет, то рвать зубами, ногтями.

Двадцать лет жизни без устроенных подземных укрытий, без средств защиты, с тысячами умерших соплеменников, породили демонов. Не знавших ни жалости, ни сочувствия, и ничего из той жалкой кучки моральных ценностей, что еще теплилась в Городе. Безымянке или Прогрессе. Старики в сталинском бункере заносили самых прославленных на желто-ломкие страницы летописи города.

Историю пишут победители. Орис, став легендой, ушел куда-то далеко. Город присвоил его победу, рассказал о подвиге десятками ртов шпионов, всегда наполнявших жилые районы как бродячие мастера, торговцы-старьевщики, лекари, сектанты и даже, мать их, сраные перекаати-поле певцы-барды. Орис победил страшную Безымянку, уничтожив Эрипио, стерев Рубеж и открыв Склады.

Только вот богатств Складов никто и не увидел. Даже главы Города.

Эрипио сдох? Да здравствует новый вожак. И еще один, да даже два!

Сдалась ли Безымянка? Хрена, никогда она не сдавалась. Только и не была такой уж страшной.

«Рейдеры» – вот как звучит страх в городе и его районах.

Рев вручную подогнанных движков бронированных громадных «медведей», хищных высоких «волков» и легких быстрых «гончих».

Резь дымного пороха из безоткаток, сваренных гениями в тайных мастерских.

Свист длинных стрел-гарпунов и летящих связанных шаров-боло.

Крик попавших бродяг, переселенцев и рабочих, восстанавливающих коммуникации.

Шелест над головой бича из выделанной кожи рогачей.

Вой рейдерской группы, выскочившей из ниоткуда и растворившейся в предрассветном тумане.

Звон цепей и стук колодок на угнанных людях, решивших, что наступило что-то хорошее, а опасности стало меньше.

И несколько районов, огромных, прячущих в себе тех, кого Город и Безымянка за людей не считали. И те отвечали такой же... любовью.

Хаунд, уже сидя в полутьме своего угла, скалился, прикидывая все расклады. Почти осязаемо они пахли кровью, болью, смертями, порохом, сталью, выпущенными кишками и... огромными барышами.

– Доброго дня. – Юджин, возникший рядом почти бестелесно и совершенно бесшумно, как и положено опытному шнырю, скучаяще ожидал заказа. – Вам

как обычно?

Опыт, сука, и еще раз опыт, хрен его пропьешь, растеряешь в разрушенной Войной жизни или кому подаришь. Шнырь Юджин, при крещении названный Евгением, имел возраста почти сто лет в обед, опыта, как у дурака махорки, и полное отсутствие желания заниматься чем-то, кроме работы в местах общественного питания. И делал он свое дело охренительно.

– Сурикаты под гранатовым соусом, вомбат, запеченный с тыквой, шиншилла в карамельной подливе... – Юджин задумчиво кивнул. – И...

– Тебе только людей веселить, – Хаунд отломил щепочку от столешницы и решил почистить зубы. – Я даже поверил, йа.

– Настроение наших гостей есть наше достояние, – Юджин, качнув плешивой головой, так и остался искренне серьезным. – Рыба, мясо, овощи, хлеб, горячее и закуски.

Сурикаты, вомбаты, шиншиллы и прочая галиматья, рассказанная с совершенно серьезным видом, скрывали под собой основу основ доходов Лукьяна: колонию донельзя выкормленных и огромных крыс, выращенную им и подельниками за двадцать лет в отнорках станции. И название кабака, «Ни рыба ни мясо...», нисколько не врало, мягко намекая на природу происхождения аппетитных антрекотов и котлет в вашей плошке.

Но времена меняются, и Лукьян после открытия Рубежа потащил к себе все богатства, предлагаемые неожиданно открывшимся миром вокруг Самары.

– Пряма рыба, йа? – Хаунд даже заинтересовался, глядя на Юджина в ожидании заказа, веселящего себя перечислением блюд в собственной голове.

– Уха, головы, запеченные в кляре, и порционное филе.

– Вы, мать вашу, опять у речников сома купили, что ли? И сбагрить некому?

Жутких сомов-страшилищ, которых речные робинзоны ловили выше по течению, есть в метро не любили. Как ни утверждали на Клинической, что все в норме, но

народ пока опасался. И хозяева харчевен, жаровен и даже пары пельменных выкручивались как могли.

Если бы не перечисление, включающее в себя столько пунктов, Хаунд мог бы ничего не заподозрить. Другое дело, что Безымянка любила простые законы для жизни. Узнал человек правду про скормленного ему сома-урода – имеет полное право дать в чухальник.

– Две обычные крысы, прожаренные, с подливкой. – Хаунд зевнул, блеснув клыками. – Литр воды. И две кружки.

Давешняя храбрая барыга заслуживала немного вежливости.

– Присяду? – Лукьян возник рядом с Юджином, выжидавшим чего-то дополнительно. – Жень, вали уже на кухню.

Хаунд кивнул. Просто так владелец кабака не присел бы. Явно, что не потрепаться о танцах полуголых девчонок.

Незаметные и невыделяющиеся люди порой опасны. Казалось бы – что может быть серьезного у хозяина единственной жральной на станции? А не скажите.

К кому идут сталкеры, захватив про запас немного больше, чем сделан заказ? К тому, кто купит излишек и заплатит хорошо. Чуть позже они идут туда же еще с чем-то, куда как дороже и нужнее. Потому как платят больше, чем руководство станции. Не все, наверное, Хаунд и не спорил... Но половина-то точно. Люди остаются людьми в любой ситуации, и вкусно жрать – мягко спать хотят так же, как и двадцать лет назад, даже больше.

Платил ли Лукьян за всякие ништяки лучше других? Посмотрите вокруг, оцените бродяг, наливающих брагой, самогоном и жрущим, как не в себя, мяско, гляньте на их обвес и одежду. Платил-платил, сомневаться не стоило.

А потом – раз, и попал какой-то бродяга в должок, да еще в один... Сталкерская фортуна – девка изменчивая, куда захочет, туда и повернется. Частенько – своей жопой. И редко, когда голой и красивой, чтобы полюбоваться.

А раз так – то тут-то такой вот добрый, всегда ласково и понимающе смотрящий Лукьян свое возьмет, не сомневайтесь еще раз. Возьмет, не поморщившись от самих собой накидываемых процентов. Тут-то бродяга и попал. И платить ему теперь не только хабаром с поверхности, шиш с маслом.

Будет и контрабанду таскать, и других бродяг потрошить, на которых кто наводку даст Лукьяну. Кто даст? Да мало ли кто в долг возьмет да вовремя не рассчитается. Лукьян свое дело знает, двадцать лет как сыр в масле катается, и ничего ему не было. Ну, бывало, эвакуировался со станции, если беда какая... Как во время войны Города с Безымянкой два года назад. Пересидел свое где-то и вернулся. Вот палатки, вот кухня, вот девчушки без одежды, вот пойло, вот тепло для бродяг, вот сам дядя Лукьян в своих пастельных оттенков сорочках и теплой жилетке. Тут как тут, смотрит, улыбается, в голове костяшки щелк-щелк, знай, прибыль считает.

Хаунд знал не понаслышке, что даже остатки Волчат сливают трактирщику инфу и делятся той добычей, что оплачена людской и бродяжьей кровью и лучше бы ей не всплывать. А уж какие дела вели его к остальным станциям – лучше не копать, чтобы потом не пришлось, заляпавшись, экстренно чиститься с помощью стали и патронов. Так что...

– Внимательно слушаю.

– Да я о жизни поговорить, что как узнать...

Хаунд кивнул, косясь на помост посередке, подсвеченный красными и фиолетовыми лампами. О жизни... ну-ну...

– Мне бы встретиться, переговорить кое с кем с Прогресса.

Хаунд, подхватив с принесенной миски прожаренную до угольков тушку, вгрызся в нее, подмигнув Лукьяну. Жрать хотелось невероятно, а приличий мутанту можно и не соблюдать.

– С меня магарыч, сам понимаешь.

Хо! Магарыч с него, жадины, хм...

– С кем?

Лукьян, услышав ответ, чуть дрогнул морщинками у глаз. Понял, что ему не отказывают.

– С фейсами.

Крыса хрустела на зубах, совершенно садистки наливаясь по языку сумасшедшим вкусом жарехи, прячущей внутри, казалось бы, сухой корочки, уйму мясного сока.

Фейсы ему нужны? С Прогресса? Хаунд, складывая одно с другим зауважал Лукьяна еще больше, натюрлих.

ФСБ на Ракетно-космическом центре «Прогресс» выполняла вполне прагматические защитные функции. Объект режимный, производил ракеты и прочее, враги вокруг вились, это понимал своей травмированной памятью даже Хаунд. Где технический прогресс – там и шпионы. Закон, сука, любого противостояния цивилизованных типа стран.

Странно ли, что сотрудники ФСБ, они же «фейсы», не просто выжили в аду военной бойни, но и взяли, на паритетных основах, власть в свои руки? Точно не странно. Это, мать его, закон природы, где сильные звери объединяются в стаи, если им такое свойственно, деля обязанности. И за что теперь отвечают фейсы? Точно! За безопасность анклава Прогресс, всех его умников и умниц, а также их детей, производство, запасы и будущее.

На хрена Лукьяну выход на фейсов и почему через него, Хаунда? Да тут-то, натюрлих, все просто:

Лукьян хочет в грядущих боях занять сторону заведомо лучшего союзника, его же руками порешив настопиздевший всем Город и оставшихся паханов Безымянки. Стоит удивляться? Да нет, Хаунду такое и в голову бы не пришло. Чересчур уж хорошо успел узнать все стороны грядущего противостояния.

Городской Триумвират, заседавший заседания в бункере Сталина, ничего нового, кроме диктатуры, людям метро предложить так и не смог. Это

нормально, времена вокруг тяжелые, а тут и лечебные средства с врачами, и относительно нормальная подача два-три раза в день электричества, и, какие-никакие, а военные силы, в основном из сталкерской братии. Ты только слушайся, человек, что те старшие говорят, да не вякай, когда не просят... и все будет хорошо. И жена родит пятого-седьмого нормально, и дочке зуб выдернем, и сыновьям за водой просто с ведрами ходить, и сталкеры сапожки резиновые снаружи для деток принесут, а ты по талону и получишь. Ты норму работай, делай, что велено и положено, и все. Всосал, землячок? То-то, вот и работай.

Эрипио, подохнув, оставил за собой гребаное наследство, но не назначил никого прямым преемником. Ну, оно и понеслось. Хаунд, осознающий себя в мире вокруг почти новорожденным, разве что таким, что легко руку выдернет из сустава, если кто захочет без спроса погладить, наблюдал и не мог умилиться. До того, сука, чудные дела творились на четырех станциях, включая вернувшуюся к людям Победу.

Паханы Безымянки, первые пару месяцев как с цепи сорвавшись, так и резали друг друга... и делили-делили-делили... Наделились. За каждым осталось по станции и половина тоннелей в сторону соседа, ну, кому меньше, кому больше. Здесь, на Спортивной, хозяйничал Клоп. Клоп, сука, им и был. Кровь пил так, что мама не горюй. А остальные оказались не лучше.

Вот Лукьян и справедливо полагал, что схлестнись неожиданные союзники с Прогрессом, победитель будет один. И ни хрена не Город и местные подонки. Так что удивляться страстному желанию оказаться в рядах Прогресса Хаунд и не подумал.

Нужны фейсы? Значит, хочется ему продать инфу и застолбить местечко местного бургомистра, вот и все. Как бы там, на поверхности, не лучшало, город остается городом. Таит в себя много нужного для восстановления жизни, и метро будет истинной аристократией.

Интересно, натюрлих...

– Я вернусь, – Хаунд кивнул Лукьяну, – послезавтра.

Лукьян дернул носом. Надо же... Так быстро?

– Лучше завтра. Как бы поздно не было.

Хаунд пожал плечами и блеснул клыками в усмешке. Типа – да как скажешь, дорогой человек. Теперь даже весьма дорогой, сложно представить сумму.

– Ну, ты кушай, кушай, приятного аппетита. Думаю, договоримся?

Хаунд кивнул. И решил заняться приятным, наслаждаясь переливами красно-фиолетового на блестяще-выпуклом. Ведь всему метро известно, что лучшее в Окто, верно? Не знаете? Ха! Лучшее в Окто – ее сиськи. Ну и прилегающие окрестности.

Хаунд этого самого мнения придерживался и вполне себе собирался наслаж...

– Можно?

А! Шайссе!

Кротиха стояла у стола, изредка косясь в сторону манящего танца подрагивающих обводов и изгибов. Хаунд кивнул.

– Я из Города.

– Это как раз понятно, йа.

– Откуда?

– Такие наглые барыги типа тебя, как грибы в навозе не рождаются. И я каждого знаю лично. А тут даже девка и незнакомая. Откуда ты можешь взяться, если тебя приняли и ты торгуешь? С Города.

– Верно. Спасибо, вот твоя доля.

Надо же... даже в пачках.

Две упаковки «семерки» мягко звякнули под промасленной оберткой. Хаунд, неуловимо кошачьим движением, убрал их куда-то во внутренности плаща. Кивнул, подвинул кружку, плоску со второй тушкой и воду.

– Спасибо за воду, – Кротиха налила воды и покосилась на крысу. – От угощения откажусь, ты уж не обижайся.

Хаунд лишь пожал плечами и откусил половину, даря себе снова незабываемое наслаждение от простой еды. Проще оно лучше, йа-йа.

– Тебя знают даже у нас, в Городе.

Ну надо же, раскрыла страшный секрет.

– Ты не поверишь, фрэйляйн, но меня знают даже в Кинеле. И у тех отморожков, что летают по воздуху, пусть и редко.

Кротиха кивнула в ответ, вся такая постная, аж хотелось взять за шкурку и потряхнуть как следует. Не нравилась она Хаунду, если вдуматься. Причина простая: не верил в нее и ее басню, уже как... уже как секунд тридцать.

Из Города? Верно, йа, оттуда птичка.

Торговка? Хрена, шайссе, тут врет.

Кто заплатит за чертову арматуру к трубам столько, что хватит на два полноценных огневых контакта с АКМ? Да никто не заплатит, тут она промашку дала. Раз так, то, кто она такая? Сраная разведчица-энтузиастка, для каких-то своих надобностей что-то вынюхивающая на Безымянке. Или просто глупая шпионка, мнящая о себе больше, чем есть на самом деле.

Ну какой барыга, оказавшись в кабаке, откажется от еды во время переговоров или просто времени в чьей-то компании? Какой торгош своротит нос от местной крысы, слава-то идет по всем веткам? Да и нормальный шпион так не поступит, особенно, если с заданием.

А эта... эта черт пойми кто такая. Сдать ее, что ли, малахольную? Шайссе...

Хаунд, наблюдая за неловкими попытками что-то да высмотреть внутри огромной палатки, вздохнул. Внутри себя. Ему даже не хотелось узнавать – кто она такая. Совершенно. Хотя, казалось бы, стоило использовать недавно купленный маникюрный набор, попавшийся на рынке Безымянки. В нем такие замечательные пинцет, ножнички и странноватая пилка, больше смахивающая на надфиль... любой язык развяжется, йа-йа. Особенно, если, не торопясь, вскрыть пару нервов и пройтись по ним, дергая, как струны на балалайке.

Он наклонился вперед, решив слушать интуицию и доверять чутью, доверчиво просившему отпустить странноватую дурочку. Та, не колеблясь, наклонилась навстречу.

– Слушай внимательно, повторять не буду. Считать нас здесь идиотами не следует. Надеюсь, у тебя хватит с собой патронов для покупки дрезины, хоть почтовой, хоть торговой, чтобы быстро драпануть отсюда куда подальше. И мой тебе совет, девочка... не лезь куда-то не подготовившись. Одной храбростью не отделаешься. Я тебе немножко должен, йа, своей башкой, оставшейся со скальпом и обоими ушами. Ну... остатками ушей.

Кротиха, замерев, смотрела в темные звериные глаза.

– Не приходи сюда просто так и не думай, что сможешь все как тебе хочется. Уходи. И не мешай мне делать вид, что ты просто обычная торговка. Вали!

Она и свалила. Так что... так что Хаунд оказался прав. И игра вокруг начиналась все серьезнее. Интересно, кого представляет эта девчонка? Хм...

А времени-то, похоже, и впрямь маловато. Надо действовать, чтобы не пришлось чуть позже заново устраиваться в поменявшееся социально-политическое устройство города. Мало ли, на что решатся победители, мало ли, как отнесутся к мутантам на своей территории?

Хаунд был доволен своей жизнью. Ведь у него есть:

Дом. Настоящий, полностью его устраивавший, безопасный, насколько возможно, и не протекающий. Да еще и с сюрпризами.

Мечта. Такая, осязаемая и ни хрена не воздушная. И к ней, к мечте, он шел, медленно, но упорно. О, йа, его мечта стоила многого.

Чего-то не хватает? Йа, есть такое. И не «чего-то», найн. Ему не хватало «кого-то», и «кого-то» не купишь, не принудишь и не заставишь. Это Хаунд понимал всей своей звериной половиной или кто там покопался в его геноме.

Окто выплясывала вокруг шеста на сцене, красиво и плавно потрясывая, подрагивая и выгибая. Хорошее тело, тут Хаунд не спорил с любым, глазеющим на нее. Ему порой даже хотелось ударить кулачищем по столу, завывать, заулюлюкать и засвистеть, глядя на эту роскошную самку, выгибающуюся на потеху заплатившим за нее. И, потом, несомненно сломав пару-тройку челюстей для разогрева, вскинув ее на плечо, утащить куда-нибудь подальше. Чтобы в полной мере насладиться всей скотской радостью осуществленного желания.

Но... во-первых Лукьян точно бы расстроился и совершенно не стоило цапаться из-за красивой, но все же обычной девки.

А, во-вторых, его «кто-то» стоила куда больше. Йа.

Глава четвертая. Великий, могучий, советский...

Хаунду не нравилось в скученном людском месиве, узких тоннелях и на платформах, забитых по последний миллиметр. Особенно сейчас, когда на поверхности становилось все меньше едкой и смертоносной пыли, остатки «котлов», где плескалось странное ядовитое содержимое, впадали в спячку, покрываясь осыпающимся грунтом и мусором. Но люди есть люди, им без респираторов и противогазов наружу выход заказан. Пока.

От Спортивной до Советской катишься вниз, под горку, легко и лишь вовремя успевая тормозить. Дрезины в две тележки, поставленные от щедрот Прогрессом, знай себе катались туда-сюда, весело прыгая к Советской и еле-еле заползая назад, движимые одними мускулами четырех наказанных граждан, прикованных к рычагу. Горючее лишний раз тратить? Глупости какие... А взятые под арест и трудом исправляющиеся перед обществом – этого добра на

безымянкской части подземного города хватало с избытком.

На Советской Хаунд задерживался нечасто. Нечего тут особо делать, нечего от слова «совсем». За порядком тут следили оставшиеся бывшие копы с третьего, Советского, РОВД и их потомки. Было относительно спокойно, так уж повелось. Оружия они притащили с избытком, полностью очистив в день Войны все КХО и потом, выбираясь на поверхность, раздербанив оружейные магазины округи.

Сам Хаунд тоже побывал там, решив как-то проверить закрома. Много интересного не нашел, обшарили до него, ясное дело, йа. Но вот почему Советской так повезло со всякими ружбайками и почему именно здесь оказался основной оружейный рынок, стало ясно.

Скелеты, где целые, где разобранные падальщиками на запчасти, в рваной истлевшей ОЗК нашлись в каждом «Рыболове-охотнике». И у каждого в голове отыскиались входные-выходные от контрольного... звонка в голову. И самого популярного калибра: пять-сорок пять. Такие дела. Стоило винить в чем-то людей, сейчас рулящих Советской? Хаунд точно не винил, на войне все средства хороши, а удар в спину и есть удар в спину. Да и мало ли, как оно тогда сложилось, в самом начале?

Светло-серые и бежевые стены, кое-где просматривающиеся через копоть, угнетали. Дома в округе стояли старые, выстроенные по большей части после Великой войны, и жили в них старые люди. Много старых и не очень богатых людей. И сейчас, оказываясь на улицах Советского района, от сталинских пятиэтажек по Победе и до двухэтажных времянок ближе к Промышленности, Хаунд не удивлялся безглазым домам. Рамы и двери, чаще всего так и оставшиеся деревянными, здесь вытащили полностью, протапливая все печки метро.

На месте старого парка Дружбы, на свою беду когда-то разбитого прямо у станции, остался только скелет какого-то здания в середине, а ржавые змеи американских горок, видневшиеся у Дыбенко, идущей поверху и параллельно улице Гагарина, кончавшейся у Советской, так и говорили: дерево есть лучшее топливо. Вырубленный парк тому подтверждение.

Но кое-где гладкие плиты отчетливо виднелись, заметно светлея через копоть и нагар. Суровая была станция Советская. Прямо как ее караулы, встречавшие

путников с лихой и немного анархичной Спортивной.

- По одному выходим, баулы распаковываем, сумки открываем, оружие разряжаем. - Мансур, высокая громада, не прячущая лысую макушку, прохаживался у края платформы. - Быстрее!

- А чо такое, чо, а?! - зачастила тетка-перекупщица, везущая со Спортивной рулоны пряжи, продающиеся там по совершенно подозрительным ценам. - С каких пор...

- Рот закрой! - рявкнул Мансур. - А то подбирать будешь.

- Чо?!

- Не чо, рожа твоя нерусская, а что! - Мансур, татарин в двадцать каком-то поколении, продемонстрировал кулачище. - Зубы, епта!

Черно-красные, старательно сберегаемые мундиры оказались ближе, жадно смотрели на тетку широкими раструбами «ксюх». Тетка решила дальше не спорить. Наверное, не хотела питаться одними затирухами и жидкими кашками.

- Хаунд! - рявкнул Мансур. - Оружие разряди.

- Я пустой, - оскалился Хаунд, - стал бы сюда ехать, на рожу твою глядеть...

- Не соскучился, что ли? - поинтересовался Мансур.

- А чего по ней скучать, думкопф? - Хаунд оскалился шире. - Даже скучно. Ты опять хочешь на руках побороться, йа?

Патрульные и немногочисленные зеваки загудели. Спор у этих двоих длился давно, и Мансур все пытался взять верх. Но... Но не выходило.

- А чего? - оскалился в ответ татарин. - Что против твоего топора поставить, нелюдь?

– Две полных заряда пороха под мой барабан и пули. – Хаунд пожал плечами. Если дурак сам желает опозориться в черт знает какой раз, почему нет? – И...

– Отставить! – рявкнул, подходя, Щербаков. – Мансур, в прошлый раз ты сколько ручонку свою хилую лечил? Хаунд, увижу, с кем армрестлингом занимаешься, – ходу тебе больше сюда не будет. Дело есть какое?

– Патроны снарядить, йа... – Хаунд с огорчением проследил за расстроенным Мансуром, уходящим за колонны. Да, в прошлый раз у него что-то хрустнуло, натюрлих. – Так я пойду?

– Иди-иди, Воронков еще работает.

Воронков еще работал, как и всегда, впрочем. Это хорошо. С Кировской до Юнгородка запросто могло не оказаться транспорта, и тогда идти верхом. А там... Хаунд хотел пройтись без напряжения и лишних потраченных нервов. Не то чтобы он боялся за свои нервы, они-то как стальные канаты, не... Просто хотелось немного уравновешенного спокойствия и порядка.

Торговцам и мастерам на станции выделили место сразу у въезда со Спортивной. Если подумать, вполне логично. Вестибюль на станции издавна работал только один, на противоположной стороне. А здесь – огромный простенок из гофрированного листа, кучи мусора за ним. Открывать его и освобождать драгоценное место жители Советской не решались до сих пор. Сильна была память о неведомой заразе, заползшей с такого же медвежьего угла на Кировской. Выжила тогда ровно треть станционных.

– Цивилизация... – Хаунд, выжидая успокоения броуновского движения на рыночном пятачке, мотнул башкой, накрытой капюшоном. На Советской, так уж вышло, случилось одно из последних нападений роли. И мутантов тут, скажем так... не жаловали очень сильно.

Ничего нового, доннер-веттер, все как под копирку.

Три развала всякой дребедени, от выпрямленных и даже подчищенных в бензине гвоздей до нескольких запаянных чайников с содранной эмалью, топоров на кривых топорищах, выстроганных местными рукожопами или умело наваренных единственным мастером-сварщиком с Кировской.

Отдельная палаточка, поделенная пополам для примерки одежды. Одежду шили чуть дальше, в подсобке за платформой. Тут только примеряли, подгоняли и продавали уже готовое платье. Тут же, никогда не отдыхая, согнувшись дугой за собранным из трех-пяти, притащенных отовсюду, работал Чен. Старый, мать его, Чен-китаец, лучший сапожник по эту сторону границы Города и Безымянки. Хаунд, покосившись на собственные высоченные говнодавы на подошве из автомобильной покрышки, с защитными щитками на ремнях, незаметно положил старику в карман пачку переданных Кротихой, или как там ее, патронов. И три ампулы обезболивающего, пригодится. Почему так поступил? Просто так. Старик ему нравился. Чен кивнул, не отрываясь от чьих-то ботинок.

В будке, занавешенной плащ-палаткой, происходило чудо. Ну или мучения напололам с садизмом, это уж как пойдет. Рядом с красным крестом красовалась лицензия, выданная самой Марьпалной и свидетельствовавшая, что тут врачуют с применением ее спасительных средств. Правда то или нет, станционные не проверяли. Верили тупо, как верят в плацебо. Хаунд, лично сдавший недавно перебравшемуся в город откуда-то с востока Зазе упаковки давным-давно просроченного новокаина, оскалился. От удовольствия выслушать очередные вопли и наблюдать будку, ходящую ходуном.

Заза Цицишвили, явно удравший от кого-то серьезного из куда как благополучного железнодорожного Кинеля, пациентов не любил. Он любил вкусно пожрать, бухануть под настроение и телочек. Телочек он любил больше всего, обходились они в копеечку и усато-грудасто-волосатый красавец с носищем, как у маленького крыложора, ликвидировал проблему единственным доступным методом: демпинговал стоимости услуг Клинической, вдвое понизив цены на все свои.

Как правило, большая часть пациентов с удивлением узнавала о найденных на обеих челюстях страшных бедах, как-то: киста, саркома, абсцесс того или иного периода воспаления с формой... И, само собой, лечить весь этот сраный букет следовало радикально. То есть, вот ведь, удалить на хер половину оставшихся с рождения зубов. И стоит... всего ничего... почти. Вот прям как сейчас.

– Долотом работает, – уважительно прошептал какой-то дед, – ух...

Тетка, сидевшая рядом и слушавшая страдальца за занавеской, побледнела и осыпалась. Хаунд, чуть не подавившись смехом, пошел дальше, куда и

собирался.

Воронков, квартировавший и работающий в одном месте, пользовался на всех станциях Безымянки заслуженным авторитетом. Мастер на все руки, технарь с двумя образованиями, включая полученное в аэрокосмическом имени Королева в нулевые и не растерявший знаний с умениями до сих пор. Его офицерская палатка, кое-где аккуратно залатанная, никогда не ходила ходуном, там никогда не орали почему зря даже самые наглые заказчики, а если и случался спор, выходили потрясенно-молчаливые и переваривающие в голове все свалившиеся на их головы инженерные мудрости. Ну и, заодно, свои возможности по оплате предложенных вариантов решения возникших проблем.

На входе, вытянув ноги и почитывая книжонку, сидел Шкворнев. Индивидуум прибил к Воронкову недавно, пришедши в компании Зазы со стороны Кинеля, и про себя говорил неохотно, и все тут. Единственное, что знали про него точно, было: десантура, возраст не помеха, если надо кому рыло начистить, и очень уж любит попиздеть. Именно попиздеть, не больше и не меньше.

А так – золото, не человек, хрен мимо него просто так пройдешь, если не по делу или если в карманах пусто. Золотые крохи науки и мастерства от Воронкова впитывал здоровяк хоть и легко, но явно неохотно, желая сильно не напрягаться и просто иметь теплый угол и чего бы пожрать. Да и ладно.

– У себя, майн фрёйнд? – поинтересовался, как мог вежливо, Хаунд.

– Здорово, бородатый! – Шкворнев довольно хмыкнул, расплываясь своей улыбкой панды. Про панд Хаунд знал немного, но вот в том, что зубов у них куда меньше тридцати двух помнил точно. Видать, хоть и заявился с Кинеля в компании Зазы-дантиста, не очень ему доверял. Или наоборот – раньше доверял чересчур.

– Гутен таг, Николас. – Хаунд кивнул на палатку. – У себя?

– Да-а-а... чего нового слышно? – Шкворнев уже крутил папироску, явно намереваясь потрепаться о том о сем и ни о чем, заодно постаравшись выудить что-то выгодное и имеющее свойство монетизироваться. – У нас вот тут в охоту за мутантами ходили. Целый табор решил через Южный мост откочевать куда-то. И, прикинь, не придумали ничего умнее, поперлись через Советскую армию.

Ну и...

- Порох привозили? - Хаунд уже услышал, что хотел, и кое-что понял.

Движняк уже начался, мутанты начали разбегаться. И почему? Ха, тоже мне, секреты мадридского двора, кто-то слил, вот и все. Знают двое - знает свинья, говаривал папаша Мюллер. Вер ист дас папаша Мюллер - Хаунд не знал. И при чем тут вообще мельник? Папаша-то ладно, у каждого мельника, априори, должна быть сисястая дочурка, любящая две вещи: омыывать белы груди в ручье за мельницей и проходящих мимо ландскнехтов. Да и с мыслью Хаунд соглашался полностью. Так что... так что неведомый мельник явно был мудрец, чего уж.

- Порох? Да конечно, слушай, Хаунд, а...

- Ничего нового. Я внутрь.

- Ну, давай.

Внутри оказалось как всегда. То есть деловито, немного творчески-беспорядочно и уютно из-за запахов за перегородкой, где жила вся семья Воронкова.

Заказчики, деловитые мотористы с Города, знакомые по постоянной контрабанде, кивнули Хаунду, вернувшись к разговору с Марией Владимировной. Мария Владимировна, младшая сестра мастера, аккуратно и подробно заполняла суть проблемы в толстенный гроссбух. Невысокая и ладная, моложе самого Воронкова лет на десять, сохранила девичью фигурку и была вся в брата, деловитой и излучающей надежность. Семья ведь дело такое.

Дас ист интересирен, йа. Грамотные мужики, знающие свои шаланды как пять пальцев, припоролы аж на Советскую, чтобы починить что-то. Интересно... а чего ж с инженеркой у них самих? Стоит сделать закладку в голове, чего уж.

Хаунд, поздоровавшись со старшим сыном хозяина, полностью разобравшего электроспуск заводской безоткатки, прошел дальше, к святой святых палатки. Огромному верстаку и двум лампам, светившим тут день и ночь, запитываясь от

основного кабеля и резервно подключенным к генераторам станции. Руки и голова Воронкова стоили дорого, но они того стоили.

– Здорово, бородатый. – Мастер, нацепив сложную маску с увеличительными стеклами, задумчиво изучал вскрытый хитрый механизм. И, судя по всему, необходимый не иначе как для безопасности Города в качестве пыточного орудия. Больно уж серьезно смотрелся стальной вал и узкие зацепы на нем.

– Гутен абенд, майн фрэйнд.

– Ты бы по-русски, что ли... – Воронков, не глядя, взял из раскрытого портсигара плотную самокрутку дорогого кинельского табаку, прикурил от огромной зажигалки из снаряда к ЗУ. – Не люблю я немцев, знаешь ведь.

– Извини, – без оттенка сожаления буркнул Хаунд и сел, без приглашения, на стул, – воспитание, видно, плохое. Но я не помню, совсем.

– Ясно. – Воронков задымил, не обращая внимание на «Лё-ё-ё-ш» из-за перегородки. – Чего припорол? Патроны снова кончились?

– Йа, надо бы...

– Маша!

Маша, баюкая внука хозяина, появилась сразу же.

– Выдай человеку отложенное. В коробке на втором верстаке, рядом с труборезом. Там еще кошачий хвост к коробке приклеен.

– Хвост? – удивился Хаунд.

– Да. Ты ж любишь котов?

Хаунд не ответил. Юмор Воронкова он иногда не понимал, но против ничего не имел. Имеет право, с какой стороны ни посмотри.

Маша принесла коробку, неторопливо, по-воронковски, поставила на стол и ушла. Так же, само собой, неторопливо.

– Зер гут. – Хаунд покрутил в руках патрон, разглядывая на свет. – Сам сделал еще? Тут на два полных барабана.

– А чего лишний раз задрачиваться?

«Лё-ё-ё-ш» теперь прилетело и из-за перегородки и со стороны сестры.

Воронков махнул рукой, прищурился от дыма и хитро, наморщив не только лоб, но и совершенно гладкую голову, повернулся к Хаунду. Наконец-то.

– Что должен?

– Разберемся. Использованные принес? Новые времени делать нету. А ты, думаю, припорешь в следующий раз чуть ли не завтра.

Хаунд оскалился в ответ, незаметно показав глазами на дрезинщиков, никак не уходящих. Воронков понимающе подмигнул и мотнул головой куда-то за перегородку.

– Пошли кофе поьем.

– Вас?

– Кого вас, дубина ты фрицевская, кофе, говорю.

Хаунд, хохотнув, пошел за ним. Злиться на мастера было глупо. Развлечений у него мало, вот и веселится как может, понимая – безопасно. Не станет мутант с клыками, как у пса, если не больше, и с топором у пояса что-то ему делать. Так, перебранка от скуки, не больше. Подколки из-за странноватых для Самары словечек и все.

В заднем отсеке, между аккуратно сложенных сухих дров, примостился небольшой столик и два разнокалиберных кресла. Хаунду выпало что поменьше, в узор цветочками, с вытертыми лаковыми подлокотниками. Кофе, побулькивая в

уже включенном древнем электрокофейнике, пах невероятно прекрасно и интригующе. Прекрасно просто потому как кофе, а Хаунд хорошо помнил о своей любви к нему... где и когда даже не важно. А вот интригующе...

Откуда, йа, посреди две тысячи тридцать пятого года от рождения Сына Божьего и двадцать второго со смерти хренова мира, за койй тот принял муки, в чертовом никелированном кофейнике с клеймом ГОСТа может булькать кофе?!

– Все с Кинеля. – Воронков, прихвативший портсигар, прикурил еще одну. Налил, щедро, себе и гостю, придвинул дико дорогой сахар, поблескивающий застывшими комками. – Угощайся.

Ответ оказался донельзя прост и интересен. Видно, где-то и что-то поменялось, если такое событие прошло мимо Хаунда. Сахар, понятно, из найденного на Заводском состава. Его отыскивали сталкеры Прогресса и понемногу торговали с Безымянкой, продавая, как при царе-батюшке, по фунту и беря взамен только драгметаллы, в учете три за один. А технического серебра, чего уж, у Воронкова хватало. Кабели и выдранные клеммы тащили к нему отовсюду. За двадцать-то с лишним лет вполне накопил, чтобы теперь побаловать себя с семьей.

А Кинель теперь стал еще привлекательнее и загадочнее. Насколько же надо умудриться быть умными да рукастыми, чтобы опираясь на наработки всего лишь «сельхоз-навоза», то есть сельзох-института, суметь вырастить в неведомых теплицах кофе?!

– Ага, удивил я тебя, ушастый! – Воронков довольно улыбнулся. – Не день, а сказка.

– Варум?

– Чего Варум? «Ля-ля-фа» она пела, помню в детстве...

– Почему, говорю?! – иногда Хаунду хотелось все же рыкнуть.

– Видал хрентень у меня на столе?

– Йа.

– Насос, Грундфос, настоящий, целый, как вчера с конвейера. Погружной насос, воду качает с глубины, а энергии ему надо шиш да маленько, понимаешь?

Сказка, не день, тут Хайнд согласился. Вода – вещь важная. Без нее даже ему долго не прожить. А тут, получается, качать можно. Водяные жилы под городом уже сами очистили себя, это Хаунд знал, воду такую пил и ничего не случилось. Имеет станция такой насос, да найдет выход подземной реки поближе к поверхности и...

– Вот-вот, и я о том же. Только вот рыть надо там... – Воронков мотнул головой наверх. – В парке, во как. Место там какой-то, сука, экстрасенс, уже нашел кривульками своими. Походил, помотал в руках рамки, говорит – вот тут, мать моя женщина, прямо целое озеро, качай не хочу...

– Дас гут, йа? – поинтересовался Хаунд.

– Хорошо? Ну... так-то вроде да, только рыть надо долго и вряд ли сразу чего найдут. А народ особо где взять? Последнее время присмирел народ, как пара торгашей с носильщиками не вернулись. Слышал, ходили они куда-то к госпиталю ветеранов, вроде?

Хаунд не ответил. Слышал – не слышал, какая теперь разница? В госпиталь он лишний раз соваться не любил. Сложно там...

– А рыть все же начинают уже на этой неделе.

– Пленные рыть будут?

Йа, мутантов же отловили сколько-то...

– Пленные-то пленные, только какие – непонятно. Тех-то никто уже и не видел на следующий день. Куда, скажи, тридцать голов подевались за ночь?

Куда-куда... Хаунд уже предполагал – куда точно. Ну, с поправкой на километра три-четыре от Киркомбината в любую сторону. Скорее даже к вокзалу, чего уж там.

– Стой... – Хаунд посмотрел в карие умные глаза. – Ты хочешь выехать на время?

Воронков не ответил, лишь снова прищурился, разглядывая его. Вот так, значит, потому и не говорит про плату за патроны. Схорониться хочет, переждать... Опыт и интуиция не подводят, понимает, что готовится в округе.

Хаунд отхлебнул кофе, поморщился.

– Чего?!

Воронков смотрел как-то прямо по-детски, обиженно.

– Шайссе... – Хаунд принюхался, сильнее втянув запах. – Это ячмень, цикорий и остатки растворимого порошка из тараканов, что раньше в банках продавали. Сварили, высушили, перемололи еще раз. Доннер-веттер, это же не кофе! Это эрзац.

Воронков, с тоской посмотрев в свою чашку, вздохнул:

– Все-таки, Хаунд, злой ты человек.

– Йа. – Тот кивнул. – Только я и не человек.

Город у реки (Memoriam)

У дядюшки Тойво не выросло хвоста, когтей, зубов, годных зверю, а не человеку. Наросты по телу он не трогал, стараясь не думать и аккуратно обмывая их в сауне. Да-да, сауну дядюшка Тойво ставил сразу, как только нашел нужное место для своего становища.

Уметь стрелять хорошо – занятие сложное. Но ему оно далось просто, так же, как все остальное. Если с детства колешь дрова, режешь топором затейливые узоры по просьбе деда, довольно смотрящего на них, то... то топор становится частью тебя самого. И летит в цель, как нужно тебе.

В первый раз в ладонях оказался гладкий ореховый приклад старенькой одностволки, учившей правильно целиться и отца Ярви, и деда Микку? Не бойся, возьми крепче, прижми к себе и погладь. Это твой друг, это продолжение руки и взгляда, просто прищурься и выстрели. Дед и отец довольно смеялись, тихо радуясь успехам маленького Тойво.

Сюда, в город у реки, ему выпало приехать по приглашению от русских. Оно оказалось одно и лесники с охотниками, посоветовавшись, решили отправить молодого Тойво, зная, что не опозорит край и покажет, как умеют стрелять в Суоми. А Ярви, немного волнуясь, вручил дедовский «манлихер» и новый прицел, купленный для себя. Так Тойво и оказался в Самаре, где его настигла Война.

И здесь с его глазами случилось... Тойво не мог определить – плохое или как. Просто не мог. Правый, все такой же острый и меткий, остался как есть. Левый, вдруг потемнев, потерял радужку. Нет, как ни странно, дядюшка Тойво вполне мог им видеть, даже четко и далеко, да...

Только вот, совершенно внезапно, левый мог увидеть давнее, прошедшее, яркое и цветное. Как чью-то запись, почему-то вдруг решившую крутиться именно для огромного рыжего финна по кличке Швед. И контролировать его Тойво не мог.

И даже сейчас, сидя в засаде, ожидая Пса, чертова сына старухи Лоухи, хозяйки Похъёлы, ему пришлось приподнять повязку, обычно закрывающую левый глаз. Управлять этим свойством Тойво не мог, но предугадывать научился. Голову кололо изнутри короткими жгучими укусами, от затылка и все ближе к глазу. И тогда, если была возможность, повязка поднималась на лоб, и Тойво, предвкушая последующую боль, нырял в прошлое неизвестных людей и самого города.

Площадь Славы давным-давно выложили гладкими и идеально подогнанными плитами. Стоило весне просушить и прогреть город, по ним, постукивая и иногда поскрипывая, шелестя и вжикая, катились сотни колес и колесиков. Велики, ролики, скейты, с утра и до позднего вечера. Разноцветные пятна футболок, свитшотов и толстовок, бейсболок, бандан и панам. Стеклянные и пластиковые бутылки беспощадно пересахаренной газировки, чьи легко усвояемые углеводы безнадежно проигрывали молодости и желанию до дрожи в ногах укататься на любимых колесах с колесиками.

От Паниковского, стоявшего полвека над рекой и державшего в руках гуся, вверх, к серой «сталинской» громаде техникума и скверу, деревья, деревья, три невысоких фонтана с лавками вокруг. Весенний легкий дождь мочил липы, заставляя с совершенно детскими радостными криками убежать под них, прячась, девчонок-студенток «строяка», снявших невесомые сандалии и шлепающих по лужам босиком.

Красно-белые чешские трудяги-трамваи, старше каждой из красоток раза в три-четыре, блестя недавно крашенными боками, гулко стучали тележками по рельсам, убегая к Полевому спуску, позванивая старым железом на повороте.

Радуга, разбиваясь о Паниковского, тянулась к стеклам администрации губернатора, к голубым елкам перед ней и мокнувшим гаишникам, белеющим парадкой. Капли стекали по пластику, прячущему за собой фотовыставки, одна за другой сменяющиеся все лето. Разноцветные и яркие снимки глянцевые, прятали в себе затоны Шигонов, разлив Сока у Красной Глинки, крест Царева кургана, сияюще устремляющийся в бездонную синь неба.

Шелестели и скрипели коляски со спящими или внимательно смотрящими вокруг детьми. Мамки не просто выходили погулять из старых сталинских домов вокруг площади и громады Администрации. Они приезжали со всех концов города, пусть и ненадолго, но все же пройтись по дорожкам, спускаясь от вечного огня к храму Святого Георгия и глядя на загнутый блин цирка. И замереть у самого спуска к бассейну ЦСК, к набережной, крутых трехсот метров зелени и дорожек, ведущих вниз... к Волге.

Река, бежавшая тут испокон века, блестела темно-зеркальной гладью, на том берегу переходившей в зелень берега и «Заволги». Когда-то там сине-белела полоска дебаркадера «Полежаев», с мая по август ждущего гостей, желающих удрать из города хотя бы на неделю.

Летом город калило насквозь безжалостным заволжским солнцем, добираясь обжигаящими лучами даже в тени. Сорок – сорок пять, плавящийся асфальт и прогревающаяся до двадцати пяти холодная волжская вода. Песок пляжа парил, как сковородка, вытянутым коричневым языком распластавшись от речного вокзала и узко-высокой гостиницы «Россия», с качающимися на волнах последними речными трамваями и туристическими теплоходами, до Ладьи, серо-бетонной, вырастающей из первого холма по-над Волгой, убегал рваной линией до самого Загородного парка, устремляясь к Управе, теряющейся напротив

Жигулевских ворот.

Пел вечером, моргая цветомузыкой, фонтан из двух каскадов, толпились стар и млад, просто смотря на игру зеленой, красной, лиловой, серебристой воды, то выстреливающей вверх, то плавно и по-волжски неторопливо опускающейся закрывающимися цветами. Ветер с реки, обычно наглый и лезущий поближе к телу, даже он старался стать тише, мягче, чтобы не закашляла потом девчушка, клюющая носом в коляске, засыпающая под мерно плывущую над головами «Издалека, долго, течет моя Волга...».

Шелестели покрышками под рыже-теплыми фонарями припозднившиеся жители Города, ведь Город именно здесь, у реки, десяток кварталов, прячущих среди стекла, бетона и стали новостроек старенькие кирпично-деревянные дома давно ушедших в прошлое купцов, чиновников, заводчика Вакано, чье хозяйство, пережив три революции, две мировых войны и конец двадцатого века, на всю страну одно варило настоящее «Жигулевское», янтарно-темное, пахнущее хмелем и чем-то непередаваемо местным, как-то так перекатывающимся на языке лишь тут, у невозмутимо бегущей Волги.

А волны, тихо раскатывающиеся и шуршащие белесой пеной, добежали до песка с последними, желающими еще немного лета, людьми, и...

Паниковский слепо смотрел в бездонное серое небо, изредка разрываемое черной точкой хищника, высматривающего добычу.

Перемолотые груды щебня, асфальта, песка и сгнивших деревьев, оставшиеся от набережной после Волны, прятали когда-то красивые статуи, и тоскливо поднималась вверх тонкая темная рука купальщицы, когда-то красиво стоявшей на постаменте напротив Волги.

Нос бетонной Ладьи погребенной под рухнувшими стеклянными башнями жилой «Ладьи», растрескался, покрытый илом, засохшими россыпями мэрговской икры и еле заметными остатками КС, выведенными какой-то бессмертной краской из баллона.

Чешская металлическая такса-трамвай, замеревшая и перевернутая набок, еще краснела несколькими пятнами бока, почти полностью занесенного мусором и черной мертвой листвой.

Дядюшка Тойво моргнул, возвращаясь назад из страны мертвых, Туонелы, забравшей к себе когда-то веселый теплый город у реки.

Глава пятая. Кому война, кому мать родна

Между Советской и возвращенной людям Победой подъемов-спусков и нет. Так, если чуток... Оставаться на станции ночевать, не говоря про жить, пока торопились немногие. «Пока», как знал Хаунд, затянулось на два года, но никого это не смущало. Станция стала огромным рынком, собиравшим в себя всех местных чистых людишек... да и не чистых тоже. Пока.

Дизель на такое расстояние тратить никто не хотел, и тележки тут катались на ручной тяге. Сейчас, за полтора часа до конца базарного дня, дрезина катила мягко и не торопясь. Хотя народа в ней оказалось больше, чем с избытком. Домой, на Безымянку и Пятилетку-Кировскую, по нескольким бункерам на Заводском, в выживший бомбарь на площади Кирова, под серо-мрачной громадой Дворца культуры. Человек восемь, не меньше, умудрились втиснуться в стальное корыто, наваренное на кустарно сделанную тележку.

Здесь качали неоступившиеся граждане, телега принадлежала Сидоровичу, крохобору и кровопийце, ростовщику и барыге, протянувшему свои жадные грабли везде, включая такой вот незамысловатый транспорт, как стучавшая колесами железная хренотень.

Хаунд, устроившись на заднем сиденье, накинул капюшон и пытался дремать. Ну, как бы пытался. Усталости он не чувствовал, но слушать треп попутчиков таким способом – самое оно то. Рвущиеся домой людишки, сделавшие удачные сделки, скатавшиеся к соседям не просто так и передающие воняющую кислятиной флягу с брагой, не молчали. Так и рвались поделиться друг с другом всем подряд, для чего-то доказывая собственную значимость в глазах неизвестного попутчика.

– У этой, на Спортивной, во-о-о-от такие сисяндры! Три, мать ее!

– А я, смекаш, гоню ему фуфло за нормальный четкий базар, а он...

– Трех кобылок взяли по пачке семеры, где такое видано? Девки первый сорт!

– Натуральный гипюр, да с кружавчиками, смотри, да ты потрогай... Куда лапы тянешь, сволота безымянская?!

– Три, точно те грю, у енттой, с синими волосьями-то! Да везде оне у ней синие, чтоб мне почесуху подхватить. Кум, почеси лопатку, а?!

– В общем, давай дальше трепать, мол, за базар нужно отвечать, да кто за тебя мазу тянет, туда-сюда, сука гладкая, стоит, носом своим поводит, и рубашка, слышь, чистый шелк, бя. Голубой...

– Да кровь с молоком, жопы – во! Здоровые, чистые, даже мылом пахнут, даром, что порченые и с Пятнахи. За каждую по пачке семеры зарядил Птах, падла рыжая, совсем обнаглел!

– И чулочки, представляешь, на подтяжках, ой, мой-то, придурок лагерный, не оценит... ну, есть кому что ль...

Хаунд, устав прикидываться спящим, достал из кармана прихваченную у Воронкова деревянную плашку, щелкнул садовой кривой раскладухой, начал резать. Нравился ему запах стружек. Да и настраивало на нужный лад, помогало фильтровать поток шайссе, вливающийся в уши и находить нужное.

Сисек у синевласки все же две, как бы чего ни думалось идиотам, сподобившимся наблюдать за красоткой Окто. Кружавчики и гипюр, само собой, штука красивая, но да и ладно, пусть ей радуется вовсе не придурок лагерный, а кто-то, кто живет там же... Вот же тоже, чулочки с корсетками, йа... на дворе черт-те что, а они и тут умудряются хвостами крутить и налево бегать. Красотка, чего уж, хотя с виду и не скажешь. Но есть плюс...

Хаунд, шевельнув носом, втянул запахи. Да, она-то, вон та, крепко сбитая и упругая жопастенькая, пахнет чем-то сладким и парфюмированным. Хороший знак, раз адюльтеры всю расцветают, жизнь точно налаживается. Лучше бы, конечно, электричество по линиям сделать и пару вагонов метрошных пустить, но хоть так.

А вот треп про носатого в голубой рубашке и три неведомых секси фрэйляйн с пятнашки, проданных за бесценнок Птаху, это темы. Носатый в голубом, натюрлих, это Лукьян. И к нему за каким-то чертом приходил вон тот, с виду так себе человек, сталкер, не отнять, но такой... из последних. Не гнушающихся ничем, даже распоследним дерьмом, типа найти и принести резиновую мотрю из секс-шопов, что по улице Победы натыкано было до усрачки. Такие-то, если вдуматься, весьма порой полезны бывают, они как крысы, в каждую дырку влезут и хрен их кто заметит.

Что касается задастных «грязных» с Пятнашки, то тут последки, наверное, от той самой партии не-горожан, взятых на Советской Армии. Само собой, не всех погнали на железку, идущую вдоль Заводского шоссе, йа. Милашек точно продали, найдут, как пользоваться, от поз до извращений. А Птах, торгующий с Безымянкой, сидит на Товарной, в секретном бункере, о котором мало кто знает. Хаунд знал и положил себе наведаться туда, поговорить с красотками, если еще не перепродали куда дальше.

Так что слушать стоит дальше только этих вот четверых, хотя нет, троих. Это ж вон они кучкой сидят вместе с мечтателем, так и пускающим до сих пор слюну на воспоминания о блестяще-выпуклом в «Ни рыбе ни мясе...».

- Синие волосы, вот как тебя видел, да и волос-то там... но синие...

- Угомонись. Так чего этот, носатый?

- Дак, грит, надо мне от тебя вот чего на самом деле. Ну, помнишь, местечко есть у меня одно, ну...

- Я вам тут про...

- Да закрой ты пасть! Вам бы мужикам только про сиськи!

- Эй, любезная, пастенку-то прикрой... а то знаю я, кому ты тут чулки покупаешь и кто не увидит.

- Чо сказал, рожа эковская?!

– Слышь, овца!

– Ты кого овцой назвал?!

Хаунд втянул воздух еще раз. И не стал убирать нож, ухватив удобнее и глядя на получающуюся поделку. Ему даже нравилось, и полезно – мелкую моторику поддерживает на высоком уровне. Так... скоро эти поймут-то?..

– Ой, мама...

Наконец-то...

Сырой воздух тоннеля прибавил несколько ноток в своем благоухании. Кроме вездесущей плесени, тоненько капавших струек грунтовых вод и ржавого железа вокруг пахло нечищеным оружием и опасностью. И острым молодым потом. Сложно вонять иначе, если ты Волчонок, а дрезина стоит, как вкопанная, перед толстенным обрезком двутавровой балки, лежавшим на путях.

Волчата появлялись из темноты один за другим. Света у них было немного, добавился к носовому и кормовому фонарю только один, пахнувший соляжкой и нагретым стеклом колпака.

Самого пахана юных вырожденков видно не было. Татуированная гнида, давно перешагнувшая порог совершеннолетия, не любила работать своими ручками-ножками. За это Хаунд его не уважал и не давал спуска ни ему, ни его бандюкам-недоделкам. Но пока решил не вмешиваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/manasypov_dmitriy/metro-2035-zloy-pes

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)